

Олег Лукошин

Коммунизм

Роман

Олег Лукошин
Коммунизм. Роман

«Издательские решения»

Лукошин О.

Коммунизм. Роман / О. Лукошин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-743377-2

Советский Союз не распался! Он продолжает существовать в параллельном измерении! Величественный и справедливый коммунизм воцарился там на всей планете Земля. А в нашем измерении — капитализм. На календаре — 2025 год. В стране действует подпольная армия — «Комитет освобождения России от капиталистического ига». Один из бойцов Комитета Виталий Шаталин отчаянно стремится эмигрировать в параллельный Советский Союз, благо дипломатические отношения между СССР и Российской Федерацией уже установлены. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-743377-2

© Лукошин О.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая: Звёздочка Ильича	6
Глава вторая: А что если?	15
Глава третья: Советское, только советское	28
Глава четвёртая: Денежный вопрос	36
Глава пятая: Не отрекаются, любя	44
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Коммунизм Роман

Олег Лукошин

© Олег Лукошин, 2019

ISBN 978-5-4474-3377-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая: Звёздочка Ильича

Всё, что я делал, делаю или буду делать в этой проклятой жизни – всё это ради тебя, далёкая и счастливая страна всеобщей справедливости. Всё ради тебя, мой Советский Союз!

– Да, – схватил я валяющуюся на полу трубку. Веки отяжелели, в голове разливался гул – всё же я задремал. Это плохо. Звонил Гарибальди. Звонок этот я ждал весь день.

– Хы, салют! – раздался сиплый голос на том конце. – Эта, кароче... Ну чё, пацаны согласны в принципе. Думали там, кумекали, но типа третий вариант лучше.

Третий... Значит, «Альфа-банк».

– Ну хорэн, – отозвался. – Это радует. Чуток прикольномся хоть. Давно душа томилась.

– Ага, вот и я о том же.

– Чё, за бухлом смотаться?

– Не, не суетись. Крупняк сами доставим.

Ага. Значит, автоматы сам привезёт.

– Но там как бы культурно надо, хы. Без зихеров.

– Ну, как получится.

– Хорошо надо чтоб получилось. Праздник таки.

– Да ладно, ладно. Дети что ли... Чё, как мне добираться?

Антон прокашлялся. В трубке слышались завывания ветра. Видимо, звонил прямо с улицы.

– Ты девок выцепляй. Мелкая пусть мотор хватает и до меня гонит. Я пороса толкану, он сам доползёт. У почты на точке заберём вас. Минут через сорок чтобы собраться, а?

– Успеем. Чё ещё?

– Всё пока. Ну давай.

– Давай.

Ну слава богу! Всё же в Политбюро очухались от предновогоднего расслабона. Решили и Родине чуток послужить. Санкционировали экспроприацию.

Я набирал номер Белоснежки.

– Сестрёнка?

– Ага! – откликнулась она радостно.

– Собирайся. Гуляем.

– Какой план?

– Намбер фри. Колёса на ходу у тебя?

– Да, без проблем.

– Ну, гони до бугра. Он там сам потом объяснит.

Просунул ноги в ботинки. Куртка тоже валялась под боком, рядом гандончик. Это, в общем, хорошо, что свой ствол брать не придётся. Он что-то не держится у меня за ремнём. Разживусь деньгами – кобуру возьму. Один чувак предлагал. А то как-то раз почти выпал в метро. А рядом, само собой, какой-то чёрт в военной форме. Может, и пожарник, я не вглядывался, но всё равно стрёмно.

Прежде чем надеть куртку, нацепил на толстовку октябрятский значок. Наш символ.

– Сладенькая?

Кислой всегда волнуюсь звонить. Почему-то. Да понятно почему, всем понятно. Мне тоже... Наташа хорошая, добрая. И верной бы стала как талисман, не сомневаюсь, но всё это – оно как бы в экстремальных условиях. От безнадёги что ли. Разве правильно так?

– Да, лопушок.

– Время. Ты готова?

– Всегда готова.

Вот это зря. Не надо так отвечать. Те, кто может нас слушать, ребята сообразительные... Хотя, пусть. Что стараюсь, как лох последний. Проще надо быть. Так все отвечают. До сих пор.

– Топай до почты сейчас. Я там буду. Нас заберут.

– Штырь?

– Не, бухло бугор выставляет.

Она что-то ещё хотела сказать, я чувствовал. И голос дрогнул, и дышала выразительно.

– Виталик...

О-о, вот и имена пошли! Дура, ты чего творишь?

– Отбой, солнышко, отбой! Жду тебя.

Застегнул наконец куртку, натянул гандончик. Моё счастье, что матуха по магазинам лазает. А то бы и с ней перетирать пришлось полчаса, что да куда. Очередного трахаря в дом притащила, овца, да ещё и хочет, чтобы я к нему как к отцу относился. Эдуард... Терпеть не могу Эдуардов. Я поначалу действительно старался с ними со всеми знакомиться, как-то влиять, отсеивать. Потом понял: бесполезное занятие. Такие же потерянные люди, как она. Тоже все какие-то инвалиды, на голову пришибленные. Самое мерзкое, что про Союз базарят с ней постоянно. А я до ужаса не люблю, когда про Союз всякие уроды вот так просто рассуждают, словно он их собственный. Словно у меня отобрать его хотят. Сидят с красными рожами и заплетающимися языками: вот бы свалить туда, вот бы кто разрешение выдал. Ага, выдадут вам разрешение, пролетарии задроченные! Вы и здесь нужны, кто ещё будет капиталугоам унитазы чистить да жопы подтирать. Вы полезное мясо. Они в вас заинтересованы.

Эмигрирует ли вообще туда кто-нибудь? Они, правители наши, не заинтересованы, чтоб ломанулись все разом. А ломанутся все. Ну, девяносто процентов – только дай волю. Эта Рашка всем уже колом в жопе сидит.

Тридцать первое декабря, мать его через колено. Везде народищу, везде копошение. В метро уже все стены завесили люминесцирующими экранами. На каждом краски стремительными струями свиваются в дрожащую психоделику – то ли реклама, то ли цветовая терапия. Она везде сейчас, кто-то решил, что успокаивает. Специальная программа правительства Москвы. На дворников у них денег нет, а на эту дрянь – пожалуйста. Каждый спуск под землю – как погружение в бред. На выходе всегда подташнивает. О зомбировании уже никто не говорит, и так понятно. Чего лишнюю энергию на доказательство очевидного расходовать, сейчас все в себе живут, редко увидишь на лице прохожего мимолётную эмоцию. Маски. Да и хочется уже зомбирования, даже мне хочется, потому что существовать сейчас можно только в наркотическом забытьё. Родился – ширнулся – откинулся. Никаких фиксаций действительности, никаких верстовых столбов, никаких попыток осмысления. Мне потому и плохо всё время, что я постоянно всё фиксирую. И самое удивительное, что капиталуги даже не ищут способ найти эликсир исцеления для меня и таких, как я. Потому что считают нас расходным материалом. В этом их ошибка... если, конечно, они не знают чего-то большего, чем мы.

В метро проскочил всех этих подземных шизиков почти без соприкосновений. Только один едва не прицепился с лекцией о влиянии раннего эйсид-джаза на половое бессилие народов Крайнего Севера. Подумать только: слушал его секунды какие-то, максимум пять, а успел загрузиться так, что чуть котелок не вскипел. Хорошо, что электричка быстро подлетела, такое редко бывает – старые, перелатанные, свой срок, скрипя, дорабатывают. Они потому в метро так вольготно себя и чувствуют, все эти эксцентричные параноики, что некому их здесь больше гонять. Это не просто мода уже, это массовое явление. В нулевых-десятых ещё в интернете прикалывались, а в двадцатых полезли на улицы, в метро. Парадоксальность – вот главный

принцип Утряски. Задать неожиданный вопрос, изложить за считанные минуты, а предпочтительнее секунды свою чиканутую теорию, проследить за реакцией случайного собеседника и по каким-то параметрам определить, удалась Утряска или нет. Даже баллы себе выставляют, рейтинги формируют, на каждом сайте они, эти рейтинги. Свои звёзды у них. Я до конца так и не понял, в чём тут прикол и где интерес кроется, а вот Пятачок до того, как в журналисты податься, ну и, соответственно, к нам в КОРКИ, тоже этой дурью увлекался. Даже сейчас огрызается, когда напомнишь ему. «Помолчи, если не понимаешь!» Я от кого-то слышал версию, что эта Утряска – один из элементов всеобщей программы по подчинению человеческого сознания Системе, но не разделяю эту точку зрения. Она, быть может, ей и выгодна, потому что ей всё выгодно на самом деле, она всё к себе адаптирует, даже мы ей выгодны – как наглядный пример уличного зла – потому она и гениальна по-своему, эта капиталистическая система равнодушного перемальвания всего и всех, но создалась Утряска уж не по велению Хунты. Это лишь экзотическая реакция на Время, природу его гнусную. Власть гротеска, вот как я для себя это определяю. Только гротеск ещё оставляет хоть какую-то иллюзию жизни, даже половые извращения её потеряли.

– А в среде эвенков, – кричал мне в спину параноик, – коллективы эйсид-джаза стали выполнять шаманские функции и вычурно-изошрёнными композициями сопровождали все обрядовые ритуалы своего народа.

Двери закрылись, состав тронулся. Радостный, возбуждённый, он продолжал смотреть на меня.

– Ты повёлся, повёлся! – успел услышать я его крик. – Утряска состоялась! Два балла как минимум.

Кислая уже топталась у почты. У нашей почты – мы всегда здесь собирались. Ну да она рядышком живёт. Пятачок – вот тот дальше всех, он наверняка опоздает. Она потянулась ко мне губами, я чмокнул её в ответ в щёку. Ладно, пусть. Пока нет никого.

Вздурораженная будто.

– Виталя... – и голос дрожит. – Не надо бы сегодня.

Я поморщился.

– Сегодня – в самый раз. Громче прозвучит. И бабла больше поднимем.

– Ты такой безбашенный последнее время, я волнуюсь за тебя.

– Напрасно, – выдал выразительно и взглянул ей в самые очи.

Улыбнулась.

– Где Новый год-то встретим? – сменила тему.

– Решим. О, вот и Пятачок тащится, – кивнул я в сторону подземного перехода, откуда на свет божий поднимался наш неистовый публицист.

Двигался он замечательной своей походкой пухлого увальня, которому на всё наплевать. Она, походка эта с телодвижениями детскими, всегда меня успокаивала. Вот и сейчас как-то легче на душе стало, а то я всё же на взводе. Пятачок наш, несмотря на то, что почти каждый день постил на сайте КОРКИ пламенные статьи об изуверской сущности капитализма, работал в официальной правительственной «Российской газете» и был на самом деле работе своей рад. Потому что ещё пару лет назад стоял на бирже труда, получал три копейки пособия и был ежедневно распиливаем и съедаем престарелыми родителями, у которых он стал поздней и долгожданной радостью.

Едва Пятачок возник в поле зрения, как тут же перед нами тормознул «Джип» Бело-снежки. Гарибальди сидел рядом с ней и махал рукой. Мы с Кислой полезли внутрь, Боря так же обаятельно и нелепо ускорился и, с обманчивым усилием перемещая свою пухлую задницу, добежал до машины, впихиваясь вслед за нами на заднее сиденье.

Тронулись. Вика, несмотря на солидные габариты своего недешёвого авто и непроходимые московские пробки, умудрялась перемещаться по городу с весьма приличной скоростью.

Белоснежка до сих пор, хотя числилась в Звёздочке уже полгода или даже больше, вызывала у меня какие-то сомнения. Девушка она была богатая и вроде бы весьма. Ну, по моим босяцким понятиям. Её папая даже заместителем министра поработал. Потом ушёл «в бизнес». То есть в бандитско-эксплуататорскую деятельность. Откуда, собственно, – только не столь крутым – в правительство и приходил. Правда, мать Вики вскоре с ним развелась и, пожалуй, именно это каким-то образом подтолкнуло девятнадцатилетнюю студентку МГУ к революционной деятельности.

Зихеров за ней пока не наблюдалось, да и выгода от её прихода была явная – и водила она нам, и частично финансист, и с хатой пересидеть день-другой проблем нет – но социальная среда, в которой формируешься, значит ой как много. Вот почему я Кислой полностью доверяю? Да потому что такая же люмпен-пролетарка, как и я. Школьная учительница. С ней я одной крови.

– Ну что, Звёздочка Ильича, – повернулся к нам Гарибальди. Он выглядел не выпавшимся, видимо только с ночного дежурства. – Политбюро дало добро на экспроприацию, с чем вас и поздравляю. Инкассаторы подъезжают в пятнадцать ноль-ноль. Действуем быстро, по возможности без стрельбы. Стволы сзади, в сумке. Разбирайте, скоро будем на месте.

Я не понимал, зачем Антон продолжал работать сторожем на этом своём складе. Каких-то нормальных денег зарабатывать он там не мог, а Комитет всё же худо-бедно подгонял копейку для скудного хоть, но существования. Когда я получил от них первое пособие, то моментально послал ко всем чертям собачьим этот сраный ночной клуб, где лакейничал охранником. Мне много бабла не надо, и на эти деньги проживу. Видимо, наш командир предпочитал своей работой шифроваться под обыкновенного смиренного быдлака, а может ещё какие причины имелись. Я не интересовался.

Автоматы, что барахтались в спортивной сумке, оказались старенькими короткоствольными израильскими «Узи». Годов этак восьмидесятых прошлого тысячелетия. Хрен пойми каким образом они у нас появились. Потёртые, изрядно поцарапанные. Убивавшие когда-то свободолюбивых бойцов народно-освободительного движения Палестины. Горькая, так сказать, ирония. Но для экспроприации, должен заметить, всё же более удобные, чем «калаши» или ещё какие-то американские, которые в Комитете тоже имелись. Эти можно засунуть под куртку. Но если наступит затяжная перестрелка, то надолго их не хватает. Фигли, всего тринадцать патронов! А магазинов наверняка не больше, чем по одному на брата.

Так оно и было.

– Проверьте, – посоветовал я всем, – есть ли там вообще патроны. А то за Политбюро станется.

– Спокойно, спокойно, – тут же отреагировал Гарибальди. – Никаких молний в сторону руководства. Они делают всё, что могут.

Однако, как я и предполагал, полного магазина ни в одном автомате не оказалось. Штук по восемь-девять кусачих. Ладно, хоть столько наскребли.

– Скоро будем на месте, – продолжил Антон. – Надеюсь, вопросов ни у кого нет. Мы с Шайтаном на острие, Пятачок берёт водилу, Кислая держит окрестности, Белоснежка на моторе. Шайтан, у меня к тебе просьба: отнесись к этому не как к личной мести, а как к обыкновенной работе. То есть постарайся никого не убивать.

Я ничего не ответил.

На обочине дороги мелькнул рекламный щит. Группа белозубых пионеров в красных галстуках сидела кружком у костра и восторженно всматривалась в звёздную даль, где среди серебристых точек на ночном небосклоне одна была крупнее остальных, видимо изображая первый советский спутник. Надпись гласила: «Эмиграция в СССР. Звони».

У меня снова, как и всегда при виде подобной идиллии, лихорадочно сжалось сердце.

– Никому не двигаться! – кричал Гарибальди на бегу. – Сумку бросить!

Двое инкассаторов, пружинистой, этакой самоуверенной походкой выбравшиеся из здания банка, как-то по-детски вздрогнули, замерли, и удивлёнными, но покорными мордашками уставились на нас, словно всю жизнь ожидая чего-то подобного. Тот, который держал автомат, дёргаться не пытался, как, впрочем, и тот, у которого в руке болталась сумка с деньгами. И всё же по мне «Никому не двигаться!» – это слишком интеллигентная манера общения со слугами капитала.

– На землю, пидары! – завопил я и сделал выстрел вниз, в заснеженный асфальт.

Пуля взвила лёгкий шлейф снега и застряла в сугробе. Даже здесь, у отделения «Альфа-банка», всё утопало в сугробах. Всем на всё насрать – на чистоту, на внешний лоск. Эпоха гламура миновала. Российский капитализм уже не пытается выглядеть респектабельно, он только грабит. Наверняка у них и камеры ничего не снимают. Недаром же нас до сих пор вычислить не могут.

Тот, что с сумкой прилёг. Второй стоял. Не мигая, смотрел. В руке «калаш», дулом на нас. По ходу, тоже выдавший виды ствол.

Людей на улице хватало. Вроде бы ускорились, стараясь скрыться за домами от случайных, но таких возможных пуль, но как-то вяло. Многие остановились посмотреть. Кого сейчас в Москве стрельбой удивишь?

– Чё смотришь?! – гаркнул я. – Лечь, гнида гнойная!

Сунул прикладом, этим маленьким, робким еврейским прикладом ему в рыло. Вреда особого нет, на ногах устоял. Стал сгибаться, чтобы лечь. Гарибальди, от которого в мою сторону исходила волна недовольства – я её явственно ощущал – вырывал из рук первого брезентовую сумку. Тот как-то не слишком охотно с ней расставался.

– Мужики, – услышал я его голос. – Нас с работы уволят. Может, не надо. Дети же, семьи.

– Это политическая акция, – зачем-то объяснял ему командир. – Деньги изымаются на революцию. Освободите себя, и мир станет лучше.

Ну чего с ними трепаться? Это не митинг, это боевая операция, а перед нами – враги.

И тут я отвлёкся, чёрт меня дернул. На Гарибальди, на этого лежачего нытика-инкассатора, который не умел достойно проигрывать. Блин, больше, чем капиталистов, я не люблю людей, который не умеют проигрывать. А второй-то, гад, автомат вздёрнул. На колено привстал, сукин кот, чтоб удобнее было стрелять, мужественное лицо изобразил и был готов ради неизвестно чего, ради навязанных лживых понятий о долге замочить нас, хороших парней, думающих о светлом будущем...

Я рывком развернулся в его сторону, вдавливая палец в холодный металл курка. Преимущество было за мной.

Пули ложились как-то хаотично, но в тело. Автомат из рук инкассатора выпал. Почти как тогда, под Кутаиси, где вроде бы сдавшийся бородатый грузин решил вдруг по странному и невротичному наитию стать героем своего народа и вскинул на наше отделение автомат. Я ему геройствовать не позволил. Уложил сразу, как и этого.

Вот и доверяй после этого людям! Теперь наши снова будут считать меня изувером, а разве я хотел этого?

Пока он не упал, я успел заехать ему в харю ногой. Мужик рухнул боком в сугроб. Издавал глухой, исполненный боли сип.

– Тварина! – выдавил я.

Метнул взгляд на Антона. Тот держал мешок с деньгами в руках и был готов рвануть. Кивнул – всё, мол, бабло при мне. Я ответным кивком подтвердил отход. Подхватил «калаш». Ты ещё и доброму делу послужишь, славное советское оружие. Пятился, отступая. А люди –

да, люди стояли и смотрели. Почему-то вдруг захотелось сорвать вязанную маску и показать им своё лицо. Чтобы увидели, чтобы запомнили. Чтобы в памяти на века сохранили отпечаток лица Человека, Которому Не Всё Равно.

Пятачок тоже пятился сбоку. Похоже, с машилой у него прошло без приключений, тот не рискнул рывнуться. Кислая бежала, застревая в сугробе, к нам и по сторонам не смотрела. «Джип» стоял метрах в двадцати, Белоснежка уже завела мотор.

В машину я влез последним.

– Гони, гони! – крикнул Гарибальди.

Вика рванула с места и, поднимая из-под колёс снопы снега, помчалась по улице.

Антон оглянулся и выразительно посмотрел на меня сквозь прорези в маске своими большими и грустными глазами.

– Ничего не говори, – огрызнулся я. – Я жизнь нам спас.

Он ничего и не сказал. Отвернулся, стянул маску и стал перекидывать деньги из брезентовой инкассаторской сумки в какую-то другую, кожаную, с крупными и непонятными латинскими литерами на боку, что валялась у него в ногах.

Новый год встречали на даче у Белоснежки. Коттеджный посёлок «Лебяжий берег», километров восемьдесят от Москвы. Мамашка её свалила в Париж на предновогоднюю распродажу, вроде бы намеревалась вернуться, но чего-то передумала. Вот и правильно, женщина, вот и правильно! Нечего молодёжи мешать в революционной и досуговой деятельности.

Затоварились неплохо. Целый рюкзак – и выпивка приличная, и закусон.

Прошлая новогодняя ночь босяцкой получилась – пластиковые стаканчики, дешёвая водяра, банка огурцов. Встречали в какой-то коммуналке и в несколько ином составе. Был ещё Никита Костиков, физик-шизик, и две какие-то девахи, лица которых я не запомнил. Кто такие, с кем приходили – тоже в памяти не отложилось. Ну, и из нынешней Звёздочки не все присутствовали. Белоснежки, само собой не было, мы тогда вообще про её существование не знали, и Пятачок почему-то смылся.

Зато в Звёздочке был Колун, который сейчас в тюрьме по статье за терроризм парится. Молчаливый парняга, двух слов не вытянешь. Я так-то мало что о нём знал, о личной жизни и о прочем, но в деле он был незаменим. Твёрдый, принципиальный, решительный. Никаких колебаний, никаких компромиссов. Кремень-человек. Повязали его за подрыв отделения милиции, акцию сам организовал – ни Политбюро, ни Звёздочка полномочий не давали – привлёк двух каких-то школьников, они его в конце концов и сдали. Не знаю, может и не в чем их винить, у капиталюг свои методы допросов, но попадись они мне сейчас – всё равно бы грохнул, не посмотрел бы на возраст.

Сам Колун держался стойко, никого не сдал. Дали ему двенадцать лет.

Я первый тост, когда ещё полтора часа до полночи оставалось, именно за него провозгласил.

– За Колуна! Будем такими же крепкими, как он.

– За Колуна! – поддержал Гарибальди. – И не будем такими же глупыми, как он.

Старая песня. Он конечно прав, дисциплина прежде всего, но порой занудство это бесит. Хотя я всё равно его люблю, встреча с ним перевернула мой мир. На путь борьбы я под его влиянием встал.

Я так ему и сказал.

– Люблю тебя, брат!

И полез целоваться.

– Шайтану больше не наливать! – объявил Антон. – Он с одной рюмки улетает.

– Врёшь, командир, – я плеснул себе ещё, душа просила. – Я литры могу выхлебать, просто настроение хорошее.

Опрокинул рюмаш. Вискарь, идёт неплохо.

Прибавил громкость у навороченного Викиного музыкального агрегата. Зажигал Юрий Антонов. «Пройдусь по Абрикосовой, сверну на Виноградную...» Я его бесконечно слушать готов. Чуваки из Звёздочки – за исключением Кислой – почему-то не очень его жалуют, типа старьё, на зато как душевно! Какое внятное и светлое умиротворение! Такие песни можно было только в Союзе писать.

Девчонки закончили с подсчётом бабла.

– Два миллиона сто двадцать три тысячи шестьсот семьдесят рублей.

– Всего два? – удивился Борис. – А я штук десять ожидал.

Я тоже на большее рассчитывал.

– Полтора миллиона отдадим в Политбюро, – объявил Гарибальди, – остальное нам.

– Давай себе миллион оставим, – не согласился я. – Мало ли какие расходы будут.

– Не, – мотнул он головой. – Эти деньги на вооружение пойдут, на материальную помощь малоимущим, да на много чего ещё. Только централизованно можно их распределять по справедливости.

– Да мы и есть малоимущие. У нас ни оружия, ни амуниции.

– Шестьсот тысяч себе оставляем, куда уж борщить. В Политбюро узнают, что так много – рады не будут. Хватит. Тем более что с оружием сейчас получше. Ты же увёл автомат.

– Ну хорошо, хорошо. Ты прав, ты всегда прав. Пусть и боссы Политбюро тоже вискаря попьют и икры поедят. А то и в Париж съездят на распродажу.

– Стой, стой, не закрывай! – крикнул я Наталье, готовой застегнуть молнию у сумки с деньгами. – Дай я окунусь в них.

Подскочил к ней, выхватил суму, нырнул головой в кипу разномастных банкнот.

– А-а, вот она, буржуинская лафа! – молвил, вытащив голову наружу. – Знаете, есть что-то в этом, есть. Изучать надо врага, понимать его инстинкты. Сущность его откуда проистекает. Отрекаюсь! Отрекаюсь от тяги сей мерзопакосной! Нет в деньгах счастья, в свободе лишь она и равенстве для всех. Изыдите, демоны, изыдите!

Белоснежка с Кислой выдали партию трепетно-лучезарного хохота, Пятачок хмыкнул пару раз, Гарибальди криво усмехнулся.

– Убери, – сунул я сумку Наташе обратно, – убери их к чёртовой матери. Пойдём танцевать лучше.

Она задвинула сумку под диван и вскочила на ноги, тут же оказавшись в моих объятиях.

– Революционеры тоже имеют право на отдых! – выдавал я лозунги. – Оттянемся по полной, товарищи! Борьбе конца и края нет, надо сил набираться и эмоций.

Прижал Кислую к груди и повёл в ритме танго по комнате. Остановившись, изогнул её в дугу. Танго, это танго!

Белоснежка, которая по жизни чумовая штучка и зазечь всегда пожалуйста, вытаскила танцевать Пятачка. Тот что-то изображал. Антон вглядывался в работающий с отключенным звуком телевизор. Юмористы с певунами уже развлекали. Да уж, его фиг раскрутишь на веселье. Покарайте меня громы и молнии, но когда мы придём к власти, он станет гадким и унылым службистом-функционером, будет читать по бумажке скучные речи и превратится в итоге в нового Брежнева.

– Дорогие друзья, соотечественники! – лысый, облезлый, скрюченный Путин выполнял до чёртиков заколебавшую его обязанность поздравлять российский народ с очередным Новым годом. – Прошедший год выдался для россиян непростым, мы столкнулись с новыми мировыми вызовами и экономическими потрясениями. Но в то же время он принёс нам много положительных моментов, принёс новые надежды...

– Миллионов семь, я думаю, – отвечала мне Виктория. – Может, восемь. Так что это не для простых смертных.

– Ну а непростым-то чего сбегать в Союз? – озвучивал я собственную мысль. – Им и здесь хорошо.

– Не, не скажи, – возразил Борис. – У нас газета материал делала из той конторы, откуда в Союз отправляют – желающих полно. Точную цифру, правда, не назвали. Миллионеры, миллиардеры, всё у них здесь чики-поки – а всё равно в Союз хотят. Поверхностная статья, однако, получилась, всё засекречено же.

– Не забывайте, что оттуда тоже сюда переселенцы прибывают, – вставил Антон. – Так что процесс взаимный.

– Это пропаганда! – махнул я рукой. – Гнусная пропаганда. Ну кто, скажи мне на милость, захочет уехать из Советского Союза, где уже коммунизм, в эту долбанную капиталистическую Россию?

– Ну, мало ли какие у людей соображения. Может, кого-то коммунизм не устраивает.

– Да актёры это, – не сдавался я. – Им деньги платят за то, чтоб они изображали, как в Союзе плохо. Чтобы рождали в нас сомнения, что у коммунизма и обратная сторона есть. Репрессии, уничтожение инакомыслящих, Америку бедную разбомбили. Так это же всё правильно, это то, что и надо было сделать. С этими инакомыслящими, которые так и не дошли до понимания единственной правильности коммунистической идеи, которые не созрели до её величия, именно так и нужно поступать. Просто тамошние коммунисты таким гуманным способом от сомневающихся избавляются, от балласта, сбрасывая его нам. А у нас и так человеческого дерьма выше крыши.

– Всё бы на свете отдала, чтобы перебраться в Союз, – тихо, но как-то надрывно произнесла Наташа.

Слова эти отозвались во мне взбудораженным эхо. Эх, а я бы что отдал, чтобы свалить в Союз!

– Забудьте вы о Союзе, ребята, – выдал Гарибальди. – И о коммунизме, построенном там, забудьте. Это другой мир, не наш. Свой коммунизм мы сами, здесь должны создать. Союз – это лишь пример для нас, как надо сражаться и добиваться поставленной цели.

– Счастья вам и вашим семьям, дорогие друзья! – заканчивал Путин, дрожащей рукой поднимая бокал с шампанским. – С новым две тысячи двадцать пятым годом.

Следуя его примеру, мы подняли бокалы и сдвинули их в волнующем хрустальном звоне.

– За Сигурда!

– За Союз!

– За коммунизм!

Потом показали сюжет из Союза. Я не переставал удивляться тому, что капиталуги разрешали передавать оттуда репортажи, ведь после той жизни в процветающем СССР, которую показывали нам, жить здесь больше не хотелось.

Вот и сейчас степенный советский журналист в галстук и очках (российского собкора на этот раз задвинули, ну и правильно – он гнилой и продажный) бодрим, жизнерадостным голосом рассказал о предновогодних достижениях Страны Советов. Четвёртый год пятилетки принёс очередное увеличение производства, радикальное снижение заболеваний, разнообразие продуктового выбора. Полностью избавились от вековой обузы в виде денежного оборота ещё семь европейских республик СССР. Огромный прогресс совершили лишь несколько лет назад вступившие на путь коммунистического развития Советские Социалистические Соединённые Штаты Америки. За истекший год там наконец-то удалось полностью ввести бесплатное медицинское обслуживание и образование. Народ Америки с радостью приветствует курс Коммунистической партии, верного проводника ленинских идей. А когда в конце репортажа пошло короткое интервью с колхозницей, приехавшей встретить Новый год на Красную пло-

щадь, и женщина эта, такая простая и такая счастливая, глядя в камеру, в нашу проклятую Россию, сказала «Передаём российским братьям, изнывающим от гнёта капитала, привет, и приглашаем к нам в гости, а если желаете, то и на постоянное место жительства», я не выдержал и расплакался.

Следующий сюжет, о переселенцах из Союза, доходчиво объяснял, почему на российском телевидении вот так запросто демонстрировали счастливую советскую действительность. Чтобы представить её ложью и бесчеловечной иллюзией. В кадре появилась семья с виду чрезвычайно неприятных, ободранных и больных людей – пожилые родители и взрослая дочь. Якобы переселенцы из Союза. Смахивающие слёзы с ресниц женщины тихо и надрывно рассказывали о бесчинствах, которые творятся в Союзе. ГУЛАГ всё ещё существует, ежегодно там погибают миллионы свободомыслящих людей. Советское правительство ведёт агрессивную захватническую политику, распространяя стальную коммунистическую длань над всем миром, не гнушаясь ничем, даже применением ядерного оружия, как это произошло одиннадцать лет назад в Соединённых Штатах. Число жертв коммунизма подсчитать никто не берётся, миллионы людей жаждут сбежать в свободную демократическую Россию, но проклятые коммуняки выпускают лишь единицы. Мужчина, всё время молчавший, лишь поблёскивал увлажнившимися глазами, а в завершение, дико волнуясь, выдал: «Вы даже не представляете, как мы счастливы обрести свободу здесь, в России. То, что пришлось нам пережить – это настоящий ад!»

– Гады! – не выдержав, заорал я на них в телевизор. – Тупые, продажные суки! Даже если и есть что-то подобное в Союзе, то как же вы не поймёте, что это во благо. Это чтобы изменить гнусную человеческую природу, чтобы выковать Нового Человека, с большой буквы Человека. Свободного от животных инстинктов. А вы, уроды, вы так животными и остались! Работайте здесь за три копейки на дядю, жуйте всё это говно под названием «демократия» и подышайте побыстрее. Потому что будущее не для вас.

В сердцах я схватил дистанционный пульт и надавил на кнопку отключения. Экран погас. Никто не возражал.

– А вообще ложь всё это! – заключил я, разливая по рюмкам бухло. – Советский Союз прекрасен, и когда-нибудь я с ним соединюсь.

Глава вторая: А что если?

В интернет-изданиях писали, что инкассатор откинул копыта. Мой инкассатор. Так что и на этот раз я опять суший чёрт. В блаженный капиталистический ад, если завалит кто до поры до времени, впорхну под фанфары.

Не повезло ещё одному, на другом конце Москвы, где экспроприацию проводила одна из наших Звёздочек. Скончался по дороге в больнице. Правда ребята и сами попали под замес.

«В последний день года, – читал я, – в Москве было совершено девять бандитских нападений на бригады инкассаторов. Общая сумма похищенных денежных средств превышает тридцать миллионов рублей. Источник в московском ГУВД сообщил, что в совершении преступлений подозреваются боевики крайне левой террористической организации КОРКИ (Комитет освобождения России от капиталистического ига). В восьми случаях нападавшие добились своей цели и присвоили деньги, ранив при этом трех инкассаторов, один из которых погиб. Но на Новой Басманной, где недавно открылся очередной филиал „Дойче банка“, инкассаторы дали бандитам мужественный отпор и в завязавшейся перестрелке смогли застрелить одного из нападавших, а ещё одного ранить. Был убит и один из инкассаторов, Григорий Абрамов. У него остались жена и двое детей-подростков. Срочно ретировавшиеся гангстеры бросили тела своих товарищей на месте неудавшегося преступления. Раненый террорист задержан, его личность установлена. Им оказался некто Александр Перекладов, в последнее время работавший официантом. Также установлена личность убитого бандита – это Вениамин Мавлюдов, менеджер одной из торговых компаний. Сейчас на территории Москвы и Московской области объявлен план-перехват, результатов он пока не дал. Также похожие нападения на бригады инкассаторов и отделения банков произошли ещё в семнадцати городах Российской Федерации. Совершенно очевидно, что это была спланированная масштабная акция».

Бросили тела своих товарищей... Опять нас выставили трусливыми подонками. Попробуй, забери тело кореша из-под автоматного огня. Парни действовали по инструкции: если дело развивается по непредвиденному сценарию, надо спасать собственные жизни.

Плохо, что одного взяли живым. Он может не выдержать пыток. На этот счёт неписаная инструкция рекомендовала пустить себе пулю в лоб. Хотя в реальных условиях всё всегда развивается вопреки рекомендациям. И оружия под рукой не окажется, и сил не хватит.

Никого из этих ребят я не знал. Мир городского партизана КОРКИ должен ограничиваться мирком Звёздочки – в случае провала организация теряет только пятерых. Командиры Звёздочек Ильича подчиняются Звеньевым, сколько Звёздочек курирует каждый из них – неизвестно. У Звеньевых свои разводные, их называют Комиссарами. Число их тоже засекречено. Ну а Комиссары подчиняются только Политбюро.

Почему-то считалось, что Политбюро, как и Звёздочка, состоит из пяти членов, но никаких веских доводов у этого предположения не имелось. Так что мы даже не знали, сколько нас на самом деле. Я же полагал, что не так уж и много. Девять акций в Москве, ещё двадцать с чем-то в семнадцати городах России – то есть в деле были задействованы чуть больше тридцати Звёздочек. Это в одной из самых масштабных наших акций. Хорошо, какая-то часть недоукомплектована, небоеспособна, не имеет достаточно оружия – это случается часто. Кто-то не смог выступить в силу других причин – чёрт его знает, какими они могут быть. Пусть таких подразделений столько же, штук тридцать. Итого шестьдесят Звёздочек, триста солдат. Плюс Звеньевые, Комиссары, члены Политбюро – может быть, человек пятьдесят. В сумме где-то триста пятьдесят членов. Хотя я могу и ошибаться. Может быть, у нас имеются и не только военные подразделения, но и какие-нибудь аналитические, информационные, стратегического

планирования или ещё что-то в этом духе. Должны же наши руководители подходить к организации инфраструктуры Сопротивления серьёзно.

Да, нас немного, если рассчитывать на что-то более значимое: захват военных объектов или правительственных зданий. А в то же время и немало, потому что солдат КОРКИ – это вам не зачморенный дебил, именуемый «защитником Отечества» и считающий дни до дембеля в зонах-гарнизонах. Каким и я был когда-то. Солдат КОРКИ – это фанатик в лучшем смысле слова, он будет сражаться до последнего. Если он попал сюда – значит, на то в его жизни возникли весьма и весьма веские основания.

Я в некотором смысле являлся потенциально опасным для Комитета индивидом. В том плане, что вопреки всем правилам и инструкциям знал пару человек из более высоких ярусов. Один из них, Брынза, был Звеньевым над нашей Звёздочкой. Ну, и над какими-то ещё. По идее, он должен был контактировать только с нашим командиром, Гарибальди. Но на практике получилось так, что порой он выходил на связь и со мной. По инструкциям нигде не проживёшь, жизнь требовала нестандартных ходов для эффективного функционирования подразделений, но в случае провала (хотя бы и моего), ниточка через Брынзу могла потянуться очень далеко. Я, конечно, никогда бы не допустил этого, голыми б руками себе шею сломал, но полностью исключать вероятность провала нельзя.

Оставалось лишь надеяться, что взятый живым боец не контактировал со Звеньевыми, ну, и ни с кем выше. Оставалось надеяться, что он окажется стойким и никого не выдаст.

Имелся ещё один человек в Комитете, которого я знал. Очень высокий человек – не много, не мало, а член Политбюро. Настоящая его партийная кликуха была мне не ведома, а звал я его про себя Одиноким. О моём существовании он совершенно определённо был осведомлён, они там всё о нас знают, но лично мы не общались. Однако при случае – который, я надеюсь, никогда не наступит – я мог с ним связаться и был уверен, что он пойдёт на контакт, потому что имелось нечто, что неким образом связывало нас вне Комитета.

Впрочем, не стоит об этом...

«Эмиграция в СССР, – мелькнул в интернете рекламный баннер. – Звони».

Всегда напрягался, когда встречал подобную рекламу. Умом понимал, что никаких звонков делать нельзя. Что это может быть подставой, что таким образом просто-напросто выявляют неблагонадёжных, членов подпольных группировок коммунистической направленности – а их и кроме нашей полно, правда за оружие берутся далеко не все, а так отчаянно и осознанно, как мы, и вовсе никто – но рука всё равно машинально была готова потянуться к телефону.

Вот так позвонить, узнать как там всё и почём, раздобыть денег – а раздобыть их можно, можно: хоть в одиночку пойти на акцию, как Колун, только продумать всё тщательно, чтобы за раз поднять нужную сумму – и свалить от всего этого кошмара в счастливейшую из стран. И забыть всё, что было, раз и навсегда. Тихо там работать, обзавестись семьёй и дышать, ненасытно дышать воздухом свободы, который не отравляет ни одна рыночная гнида.

Господи (простите меня, классики марксизма-ленинизма, за это эмоциональное и нелепое восклицание), какой шок, какое душевное смятение, какой фантастический восторг я пережил семь лет назад, когда было открыто существование иного измерения с сохранившимся там как ни в чём не бывало Советским Союзом! Как же трудно было поверить в это: он есть на самом деле, этот мир реален, он ЯВЬ, в него даже можно при желании переместиться. И там – вот оно, большое и сокрушительное счастье! – повержен капитализм, а Советский Союз стал необычайно крепок и могущественен, он достиг заветного коммунизма, он покорила всех, коммунистическая идея победно шествовала по планете, и даже треклятые Штаты превратились в одну из социалистических республик Союза.

Можно ли поверить в такое? Многие и не верили. Как минимум два первых года только и было разговоров, что это большой и циничный розыгрыш. Такие тёрки и по сей день продолжают. Мол, шоу Трумена. Мол, отчаяние в людских сердцах достигло угрожающих пределов, вот и придумали всем Великое Утешение – смотреть по телевизору репортажи из мифического, снятого в декорациях «Мосфильма» Советского Союза. Да что там говорить, порой и я поддавался напору таких мыслей, ибо невозможно поверить в то, что где-то во множестве вселенных ещё могла сохраниться справедливость.

Но слишком многие доводы подтверждали тот факт, что Союз существует на самом деле. Даже мой друг Никита Костиков, бородатый и очкастый тридцатисемилетний учёный-физик – хоть и несколько неадекватный, но дело своё знающий, а потому при всех своих странностях и декларируемой на всех углах вере в социализм продолжавший работать преподавателем физики в МГТУ имени Баумана, подвергавший сомнениям всё, что только можно, включая пуговицы на рубашке – совершенно определённо заявлял, что Советский Союз не миф, а о существовании параллельных измерений учёные на самом деле знали давно, вот только не могли найти туда коридор. Более того, преподав из его университета (жаль, что не его самого) вскоре после обнаружения параллельного измерения и установления дипломатических отношений с правительством СССР стали привлекать к обслуживанию оперативно построенного центра по контактам с новым миром. Многие и вовсе ушли туда работать.

Хоть российские оборванцы-учёные и представляли дело так, что коридор в запределье открыли именно они, но по некоторым признакам, да и по утверждениям того же Костикова явственно следовало, что окно в наше измерение прорубили с той стороны советские учёные. Даже по цензурным телевизионным репортажам из СССР можно было понять, что тамошняя техническая мысль опережала здешнюю.

Первое время информация о Союзе была крайне скудной – что и порождало невероятные домыслы. Но постепенно руководители СССР и России устанавливали всё более тесные контакты. Всё же мы были родом из одного прошлого, у обоих государств существовал Иван Грозный, Пётр Великий и Иосиф Сталин. Начался обмен информацией. Нам ежедневно вносились показывать по телевизору репортажи из Советского Союза, им – репортажи из капиталистической России. Высокопоставленные чиновники наших государств стали совершать дружеские визиты друг к другу – правда, занимались этим отнюдь не первые лица. Видимо всё же они очковали превратиться при переходе на другую сторону в кучку дымящихся атомов. Более того, в нашей засраной капиталуголами Москве открылось (ну, это так говорилось, что открылось, на самом деле никто даже не знал, где оно находится) посольство Советского Союза. В их процветающей советской Москве – посольство Российской Федерации. А чуть менее года назад правители и вовсе пошли на неординарный шаг – у граждан появилась возможность эмигрировать в сопредельное (так сказать) государство.

О масштабах эмиграции в Союз из России никто не распространялся, ни единой озвученной цифры – что так же порождало массу утверждений о том, что никакой эмиграции на самом деле нет. При этом нам всячески внушали, что она взаимная. Вот в этом обстоятельстве я сомневался более других, хотя в глубине души всё же соглашался с возможностью, что советский строй может быть кому-то в Союзе и не мил. Одно смущало больше всего: нигде в обыденной нашей жизни ни я, и никто из моих друзей, знакомых и знакомых знакомых не встречал ни одного человека, переместившегося в Россию из Союза. Впрочем, если пораскинуть мозгами, этому тоже могло иметься объяснение: их держали отдельно, возможно, существовал какой-то инкубационный период или этап привыкания. А если и не отдельно, то запрещали признаваться в том, что они иммигранты – во избежание нежелательных контактов со всякими подозрительными личностями. Вроде меня, например.

Ключевой момент, в который история наших стран изменила свой ход, вычленили достаточно быстро. 12 октября 1986 года – вот он, этот великий день. У нас в Комитете даже стали отмечать его как один из величайших праздников человечества, наряду с Великой Октябрьской социалистической революцией. В этот день заканчивалась встреча на высшем уровне между американским дебилом-президентом Рональдом Рейганом и нашим трёхдолларовым иудушкой Мишкой Горбачёвым. На итоговой пресс-конференции по результатам встречи (которыми в нашей реальности, как известно, стала полная идеологическая капитуляция перед Америкой, вступление Горбачёва в масонскую ложу и его последующая верноподданническая служба на Штаты, заключающаяся в сознательном развале родной страны) некий Сигурд Хальдорсон, журналист какой-то заштатной исландской газеты, вскочив вдруг со своего стула в третьем ряду у самого края, бросился по узкому, но короткому коридору между телевизионными камерами к столу, за которым сидели оба руководителя могущественнейших государств мира. Он шмякнулся грудью об стол в полуметре от туш Рейгана и Горбачёва, а изумлённые телохранители этих придурков, никогда прежде не сталкивавшиеся с подобным поведением представителей прессы на политических саммитах, на счастье всего параллельного человечества замерли с открытыми ртами, наблюдая эту картину. Только один из кофлы Рейгана сделал движение к боссу и успел потянуть его за плечо.

Раздался мощный взрыв – наш смельчак-журналист оказался обвязан тротилowymi шашками, от которых на едва сохранившихся записях теракта он кажется толстым тюфяком, хотя наверняка был стройным малым – всё помещение наполнилось огнём и яростью, а когда дым и гарь постепенно стали развеиваться, выяснились чрезвычайно благие для судеб параллельного мира последствия (которые жителям запределья наверняка казались тогда страшной трагедией). Русскому Мишке сразу же оторвало башку, а актёришко Ронни, благодаря вмешательству верного телохранителя, оказался тяжело изуродован. В течение последующих трёх месяцев он пребывал в коме, за его жизнь якобы отчаянно боролись (ну, всё может быть), а потом и он на счастье прогрессивного человечества откинул коньки. Вместе с лидерами США и СССР погибло ещё несколько журналистов, телеоператоров, телохранителей и прочей политической челяди, сопровождавшей своих командиров в поездке на саммит. Всех их ни хрена не жалко.

Подлинные причины, побудившие рядового журналиста Хальдорсона, не принадлежавшего ни к одной политической партии и террористической группировке, христианина и гуманиста, да и вообще тихого и застенчивого человека, отца трёх детей, решиться на такой шаг, неизвестны. Как водится, его поступок объяснили психической болезнью – он де за пару недель до этого рокового дня обращался к врачу-психиатру. Я-то уверен, что он обращался к нему, потому что просто надо было пройти медосмотр, на работе потребовали или ещё где, но мировая пресса параллельного мира превратила его в тяжело больного человека с маниакальными наклонностями. В телерепортажах из Союза его так и называли – сумасшедший террорист. Они, видите ли, искренне скорбели по кончине Горбачёва. Ушёл из жизни видный государственный деятель, и так далее. Ну да ладно, если это единственный изъян тамошней жизни, то с ним легко можно смириться. Да и кто его знает, было ли так на самом деле? Всё же по репортажам из капиталистической России они должны были понимать, куда бы их привёл меченный дьявольским знаком развесёлый трубадур Миша.

В нашей организации Сигурд считался героем номер один всех времён, народов и измерений. Настоящим святым. Мы на него молились, справляли его день рождения (дату которого точно не знали, но почему-то отнесли её к июлю месяцу) и хотели стать такими же твёрдыми и решительными, как он.

В Штатах, насколько можно судить, после этого теракта всё развивалось как обычно: власть перешла к вице-президенту, затем руководители государства сменялись один за другим, хотя имена последующих за Рейганом президентов ни в одном репортаже не назывались – ну

и правильно, чего вспоминать глав уже несуществующей, по крайней мере, в прежнем виде, страны.

А вот в Союзе произошли радикальные перемены. Высшее руководство государства не на шутку встревожила, да и просто морально прибила к земле выходка славного героя Сигурда, гыгыгы. Была выработана новая концепция собственного развития и взаимоотношений с другими государствами мира. В общем, напуганные и разозлённые коммунисты решили вернуться к идее первых послереволюционных лет, где основной задачей ставилось распространение социалистической революции по всему миру и окончательное обращение человечества в благую коммунистическую веру. Без мирового господства, поняли они, им не удержать коммунистическое знамя в руках. Если существует внешняя угроза – а от кого она исходит, от государства или от отдельного готового на всё человека – Советский Союз не может быть уверен в своём безопасном будущем. Концепция эта стала залогом будущих побед коммунистической идеи во всём мире.

Сразу после смерти Горбачёва генеральным секретарём ЦК КПСС стал занимавший на тот момент должность секретаря ЦК (то есть заместителя генсека) Григорий Васильевич Романов. До этого член Политбюро, до этого – первый секретарь Ленинградского обкома КПСС. Кстати говоря, он должен был становиться генсеком сразу после Андропова, а то и после Черненко, но всякий раз его обходили. Наконец власть отдалась этому человеку во всей полноте и звучной величественности. Именно с Романовым связаны победы коммунизма во всём мире. Между прочим, он до сих пор находится у руля в Союзе, хотя на людях, как можно было понять, уже не появляется – ему вот-вот исполнится сто два года, он мудр и равнодушен к внешним проявлениям славы.

Представьте себе руководителя государства, который без оглядки на международное мнение и собственных шептунов-конформистов, которых полно даже в высшей когорте партийных функционеров, начинает планомерно и последовательно, не гнушаясь никакими средствами, распространять советское влияние по всему миру. Для начала, вопреки горбачёвским планам по трусливому уходу из Афганистана, увеличивается контингент советских войск в этой стране. Группировки моджахедов жесточайшим образом уничтожаются – для этой цели применяется химическое оружие (один из «веских» аргументов наших капиталюг в пользу бесчеловечности коммунистов, для меня же – поразительный пример их твёрдости). Подчинив себе всю территорию страны, советские войска нападают на Пакистан, как на рассадник дестабилизации в регионе. Война длится ровно десять дней, Пакистан повержен.

Для предотвращения возможных провокаций с территории сопредельных стран советские войска вводятся и в несколько других государств региона: Иран, Ирак (что наконец-то останавливает войну между ними), Сирия, Иордания. Напуганная мощью советского оружия и обрадованная падением Пакистана Индия позволяет разместить советскую военную группировку на территории своей страны без сопротивления. В обмен выдвигает условие: покорение Бангладеш. Советско-индийские войска проводят молниеносную операцию в этой отсталой, но густонаселённой стране и приводят к власти лояльное себе правительство. Разумеется, во всех странах, в том числе и в дружеской неконфликтной Индии устанавливается социалистический режим. Простые люди приветствуют эти меры многочисленными демонстрациями поддержки – и это совершенно искренне.

Монголию просто присоединяют к СССР на правах шестнадцатой республики. Вскоре то же самое происходит со всеми странами, покорёнными советской армией.

Доблестные Советы под руководством Романова не гнушаются применять ядерное оружие. Как нам сообщали наши капиталистические СМИ (это преподносилось так: коммунаки скрывают правду, а мы де всё равно её на вас вывалим), до войны со Штатами советские ядерные бомбы сбрасывались в трёх странах: Японии, Израиле и Великобритании. Судя по всему, меры неизменно оказывались чрезвычайно действенными. Ядерную бомбардировку Японии

провёл и Китай, тоже вдруг вспомнивший о необходимости распространения коммунизма по свету. Собственно говоря, наземную войсковую операцию в Японии, а также в Южной Корее (совместно с армией Северной Кореи), Гонконге, Макао, Сингапуре, Индонезии и прочих странах Юго-восточной Азии, а чуть позже в Австралии и Новой Зеландии проводили именно китайцы. Насколько можно понять, в какой-то момент Советский Союз сумел безболезненно посадить в кресло генсека компартии Китая своего человека, что привело к присоединению Поднебесной к СССР в качестве очередной союзной республики. Что же, победы объединяют, а мира хватит на всех.

Разумеется, чуть больше пришлось повозиться с Европой. Здесь приходилось широко использовать дипломатические методы. Страны соцлагеря к Союзу были присоединены быстро. Первым из капиталистических европейских колоссов советской стала Федеративная республика Германия. Левые активисты провели там подпольный референдум, на котором ставился вопрос о присоединении к ГДР. Подавляющее большинство населения ответило на него утвердительно. Так как реакционное правительство Западной Германии отказалось признать его результаты, советское правительство было вынуждено ввести в страну войска. Страны НАТО, несмотря на громкие и горячие протесты, так и не решились ответить на объединение двух Германий военными акциями.

Во Франции и Италии коммунистические правительства пришли к власти в результате демократических выборов. Там всегда были сильны левые настроения, а на фоне торжества коммунистической идеи во всём мире чуткие ко всему модному французы с итальянцами мудро решили начать у себя строительство коммунизма добровольно.

После присоединения к Советскому Союзу этих трёх мощных европейских государств, разобраться с остальными труда не составило. В большинстве из них местные компартии брали власть без кровопролития – через выборы или, на худой конец, стремительными переворотами. Проблемы возникли, как и следовало ожидать, только с Великобританией. С ней СССР вынужден был начать ядерную войну.

А до Великобритании ядерные бомбы разорвались в Израиле. Терпение у Союза лопнуло после очередных варварских мероприятий по так называемому «наведению порядка» в Секторе Газа. Арабские страны горячо приветствовали падение этого агрессивного сионистского государства и на волне эйфории в них, включая такие проамериканские монархии, как Саудовская Аравия, Объединённые Арабские Эмираты и Кувейт, удалось осуществить социалистические революции.

Великобритания брыкалась, да. Даже нанесла несколько ядерных ударов по территории СССР. Дни этого бесчеловечного капиталистического варварства стали траурными датами в календаре Страны Советов и ежегодно отмечались со скорбью и почтением к памяти павших. Тем не менее, эти выпады оказались последней отрыжкой гнивающей островной монархии: войска коммунистической коалиции нанесли по гнилой старушке последний и решительный удар. Великобритания пала.

Несмотря на то, что США сразу после начала вооружённого конфликта с Великобританией объявили войну СССР, от применения ядерного оружия янки до последнего момента почему-то воздерживались. А после краха своего наиболее преданного европейского союзника, массированный ядерный удар таки нанесли, но по территории Китайской ССР. Свидетели описывали произошедшее как настоящий ад: за три дня на КССР было сброшено более двадцати ядерных боеголовок. Крупнейшие города были разрушены, погибли миллионы мирных жителей. Что хотели этим доказать американцы – неизвестно. Образумить Советы? Показать: мы пока не трогаем русских, мы демонстрируем нашу мощь на китайцах, но зарубите себе на носу, что подобное может произойти и с вами? И, ради бога, не трогайте всё-таки нас, потому что мы вас боимся и хотим жить в мире?

После этого, естественно, выбора у Советского Союза не оставалось. Мировая коммунистическая коалиция нанесла мощнейший ядерный удар по Штатам. Точная цифра сброшенных бомб не называлась, но, судя по тому, что бомбардировка продолжалась целую неделю, от Америки осталось не так уж много. Впрочем, так ей и надо.

О ней, об Америке, в телевизионных репортажах из Союза вообще мало упоминалось. Наши капиталуги тут же выдвинули версию, что страна до сих пор находится в руинах, что там свирепствует ядерная зима (ну, это полная чушь, ядерной зимы над одной отдельно взятой страной быть не может, только над всем миром), что в войне выжило не более десяти процентов населения, и оно влачит жалкое предсмертное существование. Как водится, всем заявлениям советской прессы о значительных успехах в сфере здравоохранения и социальной защиты наши продажные СМИ не верили.

Этот финальный аккорд битвы за мир произошёл одиннадцать лет назад, в 2014 году. После покорения США заарканить остальные страны оставалось лишь делом непродолжительного времени. Латинская Америка всегда тяготела к коммунизму и приняла его с помощью советских войск и заразного примера Кубинской ССР с распростёртыми объятиями, а страны Африки с радостью готовы были установить у себя тот режим, который позволял бы им жить не впроголодь. В общем, на сегодняшней день в Запределье повсеместно царила коммунистическая власть. Наша власть, гарантировавшая счастливую равноправную жизнь для всего человечества.

Я пребывал в перманентном восторге от успехов нашего параллельного собрата. Истинный трепет вызывала во мне фигура Романова. Невозможно было не восхищаться этим решительным человеком, с маниакальной твёрдостью доведшим до логического завершения всю предшествовавшую ему историю развития светлой коммунистической идеи.

В нашей же реальности он умер ещё аж в 2008 году, отодвинутый в сторону, так и не принесший благо истосковавшемуся по сильной руке народу. Трагические ошибки истории, как легко они свершаются! Вот он, висит на стене моей комнаты, рядом с портретами Ленина и Сталина. Простое русское лицо, открытое, ясное, с умными выразительными глазами и скромно зачёсанными назад убелёнными сединой волосами. Ничего броского, разве только какая-то стать особенная.

Три великих человека, три образца для подражания. О, природа, дай мне сил быть таким же неумолимым, как эти титаны!

– Виталь! – раздался за дверью разнузданный мужской оклик. Нетвёрдый стук последовал тут же. – Виталья, чего сидишь взаперти!? Выходи на свет божий, потусуйся с семьёй.

Я не отзывался. С каких это пор, пьянь вонючая, ты моей семьёй стал?

– Это Эдуард, ты слышишь? – мамашкин трахарь принялся барабанить в дверь сильнее. – Живой, нет?

– Чего тебе надо? – ответил я наконец.

– Чего, чего, – передразнил тот, довольный тем, что его не игнорируют, а общаются с ним как со взрослым, а значит уважают. – Пообщаться с тобой хочу. За жизнь перетереть. Пойдём, выбирайся! Мы с матерью на кухне интересную беседу ведём.

– Ага! – тут как тут и мамашка. – Виталик, выйди, мнение твоё хотим узнать.

Оба, довольные чем-то, вдохновенно захрюкали.

– Идите в жопу, – бросил я им. – Срать я на вас хотел.

Далее в течение двадцати минут пришлось выслушать эмоциональные тирады двух немолодых и подвыпивших людей, касавшиеся практически всех аспектов моего брэнного существования.

– Да какая ему девушка, о чём ты?! – я так и видел, как разгорячённый Эдя, выпучив глаза, тревожно разводит руки в стороны. – Он же онанист. Сидит там и дробит. Ты чувствуешь, какой запах оттуда прёт?

– Виталь, не позорься перед людьми! – взывала мать. – Выруби ты эти свои «Верасы» на хер. Стыдно же, ей богу, в наше время такое старьё гонять.

– Да, да, – тряс в праведном гневe Эдуард башкой, так, что порой она ширкала грязными патлами волос о дверь, а порой и встречалась с ней высоким сморщенным лбом, – это и есть самое настоящее презрение. Ни в грош я вас не ставлю и впредь ставить не собираюсь, но деньгами на жизнь вы меня, мразь этакая, обеспечьте. Э-э, хрен пойми от кого рождённый, а теперь благодарности от него ждёшь? Что ты, Люд, что ты! Он тебя с балкона как-нито вышвырнет, вот его благодарности какая будет.

– Сынок ведь единственный! – визгливо рыдала матуха. – Кровинушка родная! Рожала в муках, пестовала, ночей не высыпала. Каждую складочку целовала, каждую болячку лечила. Света белого не видела.

В конце концов я разозлился. Чёрт меня дери, я всё же разозлился! Я не прав, контроль терять нельзя, это чревато сбоями – не только для меня чревато – но научиться управлять злостью трудно. Вскочил с кровати, заглянул в ноутбук и после десяти секунд поиска наткнулся на вожделенную рекламу.

«Завалю на хрен весь Комитет, – мелькнула мысль, – и стану навеки Иудой».

«А ну и нечего стесняться, – мелькнула тут же другая. – От обратного если смотреть, то так и получается, что надо звонить и интересоваться. Это нормально. Не интересуются только шифрующиеся революционеры – там, где надо, тоже это понимают».

«Если что – симку сожгу, – явилась третья и окончательная. – Она всё равно левая».

И вроде как она, эта третья, меня окончательно успокоила, хотя глупой была до безобразия. Вычислить местонахождение человека можно было и по одному-единственному звонку, а возможно, что и вовсе без звонка, только по факту владения сим-картой или даже телефоном. Технологии всё позволяют. Всё и любому школьнику.

Набрал заветный номер.

Женский голос. Вполне дружелюбный.

Говорю!

– Здравствуйте, насчёт эмиграции хотел узнать. Ну, типа, как и сколько стоит.

– Очень хорошо. Вам надо подъехать к нам в офис...

– Подъехать?

– Да, мы по телефону информации не даём.

– А вы вообще что за контора? То есть, именно вы отправку совершаете, или ещё кто-то над вами?

– Мы – посредническая фирма, – после лёгкой паузы объяснила девушка. – На коммерческих условиях даём адрес эмиграционного центра. Вы туда едете и обсуждаете условия эмиграции.

– А если я его без вас узнаю?

– Не узнаете. А если узнаете, то без нашего направления вас туда всё равно не пустят.

Ну правильно! Где я живу? В продажной России!

– И сколько стоят ваши услуги?

– Расценки сообщаем на месте.

Ой ты блин!..

– Вас ещё интересует наша помощь?

Мать с полюбовником продолжали выдавать за дверью горячие философские сентенции.

– Ладно, ладно, – сдался я, – говорите адрес.

Контора располагалась где-то в районе Павелецкого вокзала. Не так далеко, но дело не в этом. Что если они передадут меня сейчас другой посреднической конторе, а та третьей и так до бесконечности? Я ничему не удивлюсь, от этих изуверов-капиталюг можно ожидать чего угодно.

Захватил ствол. А то мало ли. Сейчас, в кобуре, удобнее. Болтается на боку и успокаивает. Кобуру на рынке взял, там их полно оказалось.

– Ты куда? – недоумевающе взирала на меня мать, пока я торопливо одевался в прихожей.

– Он прогуляться, – поглаживая по плечу, вроде как успокаивал её Эдя. – Пусть, пусть. Это полезно.

– Я и так тебя неделями не вижу, – попыталась всплакнуть матуха, в мгновение ока войдя в роль борющейся за семейное счастье и будущее сына-оболтуса женщины. – Где тебя искать если что? Потеплее одевайся, там холодно.

Посредническая фирма располагалась в полуподвальном помещении обыкновенного жилого дома, вход с торца. От одного вида замызанной двери, к которой вели кривые и грязные ступеньки, эмигрировать уже не тянуло. Не то чтобы сама по себе эмиграция окрасилась в унылые цвета, просто в глубине моментально возникло ощущение, что вся эта эмиграция – дешёвая лажа и лоховской развод. Неужели серьёзный научный центр, занимающийся искривлением пространства, мог иметь таких убогих партнёров?

Однако я спустился. Коридор, открывшийся за входной металлической дверью, почти сразу упёрся в не менее замызанную, что и снаружи, кожаную дверь без опознавательных знаков. За ней появилась деваха секретарского формата – с ней я разговаривал по телефону, не с ней? – и почти обрадовано принялась знакомить меня с условиями предоставления информации. Кроме меня из посетителей в конторе не было никого. Условия, собственно говоря, уложились в три слова:

– Десять тысяч рублей.

– Ничего себе, – буркнул я. – И это за адрес?

– За адрес и направление,

– Неплохо устроились, я погляжу.

– Выбирайте, – отразила она мой скепсис заученной фразой, позой и выражением лица, – счастливая жизнь в Советском Союзе, либо вот это всё вокруг.

Вот это всё, а именно унылое убранство так называемого офиса, состоявшего из стола, стула и шкафа с несколькими пустыми папками, действительно навевало тоску. Достаточная сумма при себе имелась – всё же недавно кассу взяли.

– Ну хорошо, – полез я в карман, – уговорили.

Заполнив шариковой ручкой небольшой прямоугольный бланк, напоминавший открытку, и поставив на нём прямоугольную же печать, она передала его мне в обмен на необходимую сумму.

– Я тоже когда-нибудь в Союз смотаюсь, – деваха решила напоследок порадовать меня искренностью и пониманием. – Разве это жизнь тут у нас?

Я не ответил.

Накарябанный на открытке адрес отсылал меня на другой конец города. Эмиграционный центр, если верить наводке, располагался где-то на Большой грузинской улице. Шёл уже пятый час, стемнело и вроде как это обстоятельство недвусмысленно намекало на то, что поездку туда лучше отложить на другой день. Про срок действия направления секретарша ничего не сказала – но это-то и смущало меня. Вдруг только сегодня, подумалось. А завтра суббота, не будут работать. А в понедельник скажут, что просрочил. И придётся ещё десять штук отстёгивать. Возвращаться за уточнениями к этой скользкой девке, лживо мечтающей о Союзе, не хотелось.

В метро от щедрости душевной подарил целых пять баллов утрясчику, терпеливо выслушав его разводку про семь инкарнаций Жанны Д'Арк до и после её материализации непосредственно в теле Руанской девы.

– Пять баллов, – хлопнул его по плечу.

– Да ну брось! – поразился тот. – Серьёзно что ли?

– И не баллом меньше.

Утрясчик просиял.

Вот, а кое-кто думает, что я плохой. Разве может плохой человек столько счастья другому доставить? Радуйся, придурок, радуйся.

В здании, чей адрес был обозначен на открытке, никаких упоминаний про эмиграционный центр не значилось. Напоминало оно банк – я невольно напрягся – но без вывесок и табличек. Двери открыты – ну что же, это радует...

Внутри, в довольно большом помещении, было почти пустынно. Лишь у стены напротив стоял ряд аппаратов, напоминавших банкоматы. В следующее мгновение мне стало ясно, что банкоматы это и есть. Просто помещение, и всё. Ни дверей, ни кабинетов, ничего похожего на работающую организацию. Лишь в самом углу зала, за неким подобием стойки, на стуле, сложив руки на груди, кемарила пожилая тётка.

Развели, как пить дать развели. Убью на фиг суку! Прямо сейчас. Вернусь и замочу на месте. Блин, надо же так попасться!

Или адрес напутал?

Я всё же подвалил к тетёхе. Хрен, конечно, чего она знает. Уборщица, или типа того.

– Что у вас? – вскинула она глаза.

– Вы не в курсе, – я старался быть вежлив, уборщица не виновата, – где-то здесь должен быть эмиграционный центр. Или что-то вроде этого. Они там занимаются эмиграцией в Союз. В Советский Союз. А тут, я вижу, что-то совсем не то.

– Направление при себе? – спросила она строго и устало.

– А что... – я недоумевал. – То есть, типа, мне к вам что ли?

– Давайте направление.

Она взяла у меня открытку, пару секунд вглядывалась в закорючки и печать, потом ловко погрузила ноготь в тонкое открыточное ребро и тут же отодрала полосу бумаги, за которой взору открылась тёмная линия, напоминавшая магнитную полосу на банковских картах.

– Подходите вон к тому зелёному агрегату, который с самого края, – показала рукой тётка, – просовываете направление вот так, лицом вниз, в щель и ждёте. Когда вам ответят, объясняйте зачем пришли.

Я недоумённо повертел вернувшуюся ко мне открытку и хотел ещё спросить пожилую женщину о чём-то, но когда понял, что вопрос будет звучат примерно так: «Что тут вообще за хрень происходит?», мысленно плюнул и направился к банкомату. Тётка меж тем сложила руки на груди и снова погрузилась в сладкую дремоту.

Эх, плохо всё это кончится!

Аппарат принял открытку доброжелательно и даже с каким-то долгожданным урчанием. Зелёным светом загорелась панель, по ней ёлочкой слева направо побежали лихие чёрточки – типа пошло соединение. Чёрточки остановились наконец, но ничего не происходило. Ни звука, ни изображения. Я метнул в сторону невозмутимой хранильницы заведения яростный взгляд, но в то же мгновение банкомат издал человеческий выдох, а вслед за ним прозвучали слова:

– Фамилия, имя, отчество...

Я запаниковал. Забегал глазами по сторонам, ожидая, что сейчас сквозь стены сюда ворвётся отделение какого-нибудь долбанного СОБРа, чтобы завалить меня из автоматов.

– Это... – выдавил я. – Я тут по такому делу...

– Назовите фамилию, имя и отчество, – невозмутимо повторил голос. Мужской голос.
– Насчёт эмиграции я... В Союз. Вы этим вопросом занимаетесь?
– Мужчина, не теряйте время, – вроде как разозлился обладатель голоса, хотя тембр и интонация ничуть не изменились. – Вы обратились по адресу. Фамилия, имя, отчество.
Называть их какому-то хренпоймическому агрегату мне жуть как не хотелось.
– Шаталин, – всё же бормотнул я, быть может, выдавая себя и подставляя под удар всех корешей. – Виталий Валерьевич.
– Телефон, пожалуйста.
О, ещё и телефон! Ничего себе развод. Ладно, если что номер сменить не долго.
Обречённо продиктовал номер сотового.
– По какой причине желаете эмигрировать?
Я облизал языком ссохшиеся губы.
– Социалистические убеждения.

Несколько секунд банкомат безмолвствовал. Потом голос раздался вновь и вроде как звучал он уже не столь официально. Даже панибратски.

– Значит так, Виталий Валерьевич, мы ставим вас в лист ожидания. Денежная сумма, необходимая для процесса эмиграции, составляет двенадцать миллионов рублей. Надеемся, что эти деньги у вас имеются. Ну, или появятся в ближайшее время. Однако кроме этого существует ряд политических и других моментов. Во-первых, с вашим переселением должно быть согласно правительство Советского Союза. Во-вторых, есть условия причинно-следственного свойства, с которыми многие лица на той стороне могут быть не согласны. Распространяться об этих условиях я не имею право, но они могут поставить на вашем желании переместиться в СССР крест. Вы должны быть к этому готовы. В третьих, с вашей эмиграцией должно быть согласно правительство Российской Федерации. Но его получить несложно, если, конечно, вы не являетесь носителем государственной тайны. В любом случае, деньги вы заплатите только тогда, когда все эти моменты будут решены и согласованы. Не теряйте телефон, не меняйте номер, мы с вами свяжемся. Всего хорошего.

Зелёная панель на аппарате моргнула и потухла. Я огляделся. В помещении было так же пустынно, дремлющая женщина продолжала восседать на своём месте. Я направился к выходу.

Шаги гулко разносились по сводам подземного перехода, я был погружён в себя и крайне не доволен всем услышанным и увиденным. Сомнений в том, что я стал жертвой дешёвого развода, быть не могло. Свяжутся, ага. Копи двенадцать миллионов, потом ещё разведём, раз понравилось. Может, всё же наведаться к той полуподвальной сучке?

– Стоять! – услышал я окрик.

Было в нём нечто странное. Вскинув глаза, я понял, в чём заключается эта странность. Голос принадлежал ребёнку – человек пять пацанят, да, пять, оборванных, чумазых, лет по двенадцать-тринадцать, с воинственным видом преграждали мне дорогу. У каждого в руках имелся некий предмет, который мог быть использован в качестве оружия. У того, который выступал впереди остальных – видимо, он и крикнул – в руке значилась бейсбольная бита, он опирался на неё. Другие тоже держали кто монтажки, кто дрыны. Намерения, по всей видимости, были у них серьёзные.

– Не повезло тебе, дядя, – улыбался мне беззубым ртом – то ли не выросли коренные, то ли выбили – обладатель биты. – Гандошить тебя ща будем.

– Это тебе не повезло, мелочь, – постарался улыбнуться я в ответ. Получилось это нескладно, но не из-за пацанвы, а от мыслей по истраченным впустую деньгам и неизвестно кому переданным сведениям о себе любимом. – Сбрызни с дороги.

– Оба! – чуть повернулся пацан к своим корешам. – А дядя-то борзый. Дяде-то, никак, ни разу по башке не били. Что ж ты, дядя, людей так не уважаешь? Бычиться сразу начал.

Вступать в дискуссии с этими щенками не хотелось. Я попытался мирно обойти их. Да ещё и другое мешало ответить на выпад выпадом: я же понимал, отчего они такие. Отчего их родителей поставили раком невыносимыми условиями жизни – непомерными счетами за коммунальные услуги, за еду, за одежду, за любую нужную и ненужную херотень – поставили и имеют от души, позволяя кучке каких-то лощённых ублюдков откладывать на счета ласкающие душу миллиарды. Я понимал, что до собственных детей, пусть когда-то и желанных, их родителям стало совершенно наплевать, более того – они прокляли тот день, когда решили их завести, потому что в одиночку, да пусть на пару, ещё можно как-то уворачиваться от ежедневных, просчитанных до миллиметра ударов судьбы, работающей на гандонов-капиталюг, а с детьми-то ведь всё – никто ты и ничто, если сам не сын капиталиста, если обыкновенный и простой человек. С детьми каюк, потому что из нищеты никогда не выбиться. Вот и выходят неблагодарные дети на улицы, вот и берут в руки монтажки с битами, чтобы отвоевать себе то, чего лишила их судьба – хоть жвачку ту же, или стакан кока-колы с хот-догом. Да что там говорить, я ведь, по сути, был точно таким же волчонком, ребёнком опустившейся от невзгод, отчаявшейся и потерявшей всякий смысл жизни матери.

Я понимал таких, как они, а потому по-своему жалел. Чего делать, разумеется, нельзя, в чём я через мгновение убедился. Понимание – это путь к капитуляции. Выжигать из сердца надо понимание и жалость, не должно им быть там места!

Оказывается, их не пятеро было. И не только спереди они нарисовались. Кто-то и сзади подкрался. Потому что едва я принялся совершать обход, как тут же получил по затылку приличный удар. Видимо, битой. Они неслабо разжились: две биты на бригаду – это круто. Или даже не две?

Гандончик в общем и целом башку защитил, но чёртики перед глазами всё же принялись отплясывать развесёлый рок-н-ролл. Видать, меня чуток повело, потому что линии стен как-то исказились вдруг, не в том ракурсе предстали, а в довершение всего на меня посыпался град новых ударов. Я пригнулся и закрыл руками голову.

– Тормознули, тормознули! – ещё пытался кричать. – Амба, всё! Денег дам, гадам буду. Просто так дам.

Пацанята не останавливались, продолжали с остервенением прикладываться к моему телу своим орудием. Деньги им нужны, да, но что деньги, если вдруг появилась возможность выместить всю свою злобу и ярость на каком-то случайном прохожем, чёрте, которого никогда и нигде больше не увидишь. Его и замочить не запахло.

Меня сбили с ног. Удары не прекращались и, несмотря на то, что я закрывал голову, многие из них пробивались сквозь защиту, не говоря уже о других частях тела. Я вдруг понял, что вот-вот могу потерять сознание.

Да что за день такой неудачный! Поделом тебе, лоху, за то, что с маршрута сбился. За то, что в неосуществимое уверовал. Наказание это.

Гниды малолетние, у меня ведь тоже злоба имеется! Да такая, что ваша и рядом не валялась.

Я припал правым боком к стене и сумел просунуть руку за пазуху. Нашупал рукоятку пистолета. Потянул – он не вытаскивался. Я взревел, заурчал, заорал что-то, дёрнул руку – она, наконец, освободилась. Пистолет покоился в ладони.

Глаза застилала кровь, на ощупь я передёрнул затвор и выстрелил, стараясь никого из пацанят не задеть – хотя и хотелось – выстрелил куда-то в потолок. Удары не прекратились – я выстрелил ещё. А потом для верности и третий раз.

– Всех замочу! – заорал.

Разглядел – пацанва разбежалась. Бежала по коридору к выходу. Один только не двигался. Лежал на бетоне лицом вверх и держался за шею.

Я сумел подняться, растёр глаза, склонился над ребёнком. Предварительно затолкал пистолет обратно в кобуру. У пацана было прострелено горло. Кровь струилась меж пальцев, взгляд был жалостливый, слезливый. Что же ты, сучонок, слёзы пускаешь? Не думал, что так всё закончится?

Мне и самому было хреново. Я не хотел никого убивать, они просто заблудшие зверята, я в потолок направлял дуло.

Что делать, куда его теперь?

Засунул ствол в кобуру, нагнулся, поднял пацанёнка на руки – тот застонал громко и отчаянно. Я побежал по тоннелю к входу в метро. Ребёнок же затрясся вдруг, заурчал, по телу пошли какие-то болевые судороги.

Чёрт, дышит.

Я остановился и опустил его на бетон. Нельзя его никуда тащить. Потому что это провал. Только за владение оружием статья, а тут и много чего другого потянется. Нельзя. За мной организация. Я себе не принадлежу. Он сам виноват.

Вдалеке, в самом начале туннеля кто-то спускался под землю. И не один. Весёлая компания – смех, возгласы. Всё, ноги.

Торопливо я зашагал к видневшимся впереди стеклянным дверям, уведившим в подземное царство электричек. На ходу засунул руку в карман брюк, достал носовой платок и принялся вытирать от крови лицо.

Так и не понял – вытер, нет. Но вроде никто не косился. Хотя и людей в вагоне почти не оказалось.

Глава третья: Советское, только советское

– Я в «Прожекторе»! – стараясь перекрычать музыку, гундосил в трубку Костиков. – Приходи, Виталья!

Честно сказать, желания тащиться в «Прожектор» в себе я не обнаружил. Ещё голова гудела, да и вообще никакого настроения не было. Ну вот просто никакого.

– Да приходи, – настаивал Никита. – Тут мужик меня какой-то одолевает. Чешет, чешет бредятину. Сил уж нет с ним базарить. Он в туалет отошёл, сейчас опять вернётся. Приходи, вдвоём хоть отобьёмся от него.

Я насторожился.

– Что за мужик, чего хочет?

– Да обыкновенный мужик. Датый. Базарит, базарит.

– Агрессивный что ль?

– Не, дружелюбный. Да нормальный мужик, не в нём дело. Просто я кое-что рассказать тебе хочу.

Наконец-то я разобрал песню, которую играли в баре. «Желанная», вокально-инструментальный ансамбль «Камертон». Ну, в своё время «Камертон» играл, сейчас-то – хрен его знает. Лабухи какие-то, их там полно друг друга сменяет. Редкая песня. Классная.

– Знаешь, ты уж там разберись как-нибудь со своим мужиком. Меня ломает. Болею, нет желания из дома выбираться.

Я уже хотел отрубиться, но Костиков торопливо заверещал:

– погоди, Виталь, погоди! Хрен с ним, с мужиком, не для этого тебя зову. Я кое-что тебе про наше дело хочу рассказать. Информация есть интересная. Про наше дело, сечёшь?

Я на такие позывные оживился, но выбираться на улицу – погода, кстати, дрянная, мороз – всё равно не желал.

– Чего уж за информация прям такая?

– Охренительная информация! Шок и трепет – вот ей название. Опупеешь просто. Сам не ожидал такого поворота. Я бы и по телефону мог, но сам знаешь.

– Не надо, не надо по телефону.

Ну, блин, придётся-таки прокатиться.

– Ладно, еду. Жди.

Бар, или чёрт там знает как он сам себя официально определял, «Прожектор перестройки» располагался от меня недалеко, в двух остановках метро. Я там частенько зависал. Хоть и нэпманский очаг, но лучше уж в него, чем в какую-нибудь псевдокупеческую срань. Здесь хоть советская музыка звучала.

С открытием параллельного СССР мода на всё советское, и так никогда не прекращавшаяся, вспыхнула с новой силой. Кабаки – так каждый второй пытался сыграть на советских символах. «Прожектор перестройки» заведением был пролетарским, за вход там денег не требовали, весь вечер можно было и с кружкой пива просидеть, да и обстановка демократичная. Разные ансамбли выступают с хорошими советскими песнями, официантки в пионерских галстуках, на стенах – фотографии комсомольско-молодёжных строек и генеральных секретарей ЦК КПСС, при открытии входной двери запись включается с голосом Горбачёва: «Перестройка. Гласность. Новое мышление». Нормальный кабак.

Его владельцы, конечно, чуток в концептуальном плане ошиблись – телепередача с таким названием существовала на телевидении в годы заката советского строя, а по заведению можно было судить, что он воссоздавал самый расцвет советской эпохи – ну да ладно, кто к таким мелочам придирается.

Народу в «Прожекторе» оказалось далеко не битком, что хорошо. Видимо, погода повлияла. Обычно по субботам тут аврал и дым коромыслом. По крайней мере, Никита с бородатым мужиком – видать, тем самым, они с Костиковым органично на пару смотрелись, оба с бородами, в свитерах несурзных, ну вчистую научные сотрудники советского НИИ – сидели за столиком вдвоём.

Никита хороший друг, но и с ним я был во многом осторожен. Он не выдержит допросов с пристрастием.

Вперемежку с музыкальными номерами в «Прожекторе» проходил конкурс на знание советских реалий. Ведущий в стройотрядовской спецовке зачитывал вопрос:

– Какой видный политический деятель советской эпохи родился 21 февраля 1904 по старому стилю, в партию вступил в двадцать три года, а в тридцать пять стал народным комиссаром текстильной промышленности СССР?

– Черненко! – крикнул кто-то.

– Нет, не Черненко, – радостно замотал головой ведущий.

– Микоян! – тут же раздалась другая версия, а сразу вслед за ней и третья: – Молотов!

Я, здороваясь с Никитой и игнорируя сидевшего рядом с ним мужика, который, судя по движению и заинтересованному взгляду, тоже горел желанием поручкаться, лишь поморщился на такое удручающее незнание биографий советских руководителей. Ни в каком конкурсе участвовать не желал, но не сдержался и крикнул:

– Алексей Николаевич Косыгин!

– Правильно! – воскликнул ведущий. – Девушки, официантки, передайте этому молодому человеку пионерский значок. Напоминаю, дорогие друзья, что тот, кто выиграет наибольшее количество значков, получит сегодня приз от нашего заведения – бутылку «Советского шампанского».

Одна из официанток положила передо мной на стол вырезанный из картона, многократно увеличенный и на скорую руку раскрашенный фломастерами значок пионера. Суровый и целеустремлённый Ленин в языках пламени и с надписью «Всегда готов!» даже в таком приблизительном воспроизведении вселял задор и оптимизм, звал в светлое будущее и наставлял на борьбу.

– Конкурс мы продолжим через пару-тройку песен, – объявил ведущий, – а пока ребята из ВИА «Весна на Заречной улице» сыграют нам ещё несколько замечательных ретро-шлягеров.

Он удалился с освещённого пятака, обозначавшего сцену, а запрыгнувшие в него парни с гитарами заиграли старый-престарый хит «Девочка сегодня в баре, девочке пятнадцать лет».

Определённо пьяненький новый знакомый Никиты всё же жаждал представиться и уличил-таки возможность протянуть мне руку.

– Георгий, – объявил он. – Георгий Евгеньевич.

– Виталий, – нехотя ответил я на рукопожатие, а потом подозвал официантку. Заказал бокал «Жигулёвского».

У меня, пока сюда добирался, какие-то подозрения насчёт этого мужика, ни с того ни с сего докопавшегося до Никиты, имелись – я человек стрёмный и в каждом подозреваю агента ФСБ – но сейчас, глядя на него, я видел, что агентом тут и не пахло. Обыкновенный ухарь-выпивоха.

– А вот во мне никакой ностальгии по советскому нет, – объявил он вдруг, да ещё таким безапелляционным тоном, словно мы с Никитой выпытывали у него этот комментарий к действительности две недели.

Я закурил. Усмехнулся.

– Чего же ты тогда сюда припёрся?

– А вот так! – развёл Георгий руками. – Такой я. Нравятся мне картины безумия. Я ведь и сам когда-то рисовал. Но! – выразительно посмотрел он на меня. – Сейчас с этим покончено. Сейчас я просто наблюдатель и отчасти мыслитель, потому что, к некоторому своему сожалению, ещё не потерял способность мыслить.

– А мне кажется, уже потерял.

– Нет, нет, это всё наносное, обман всё. Я крепкий орешек и с двух литров пива не отрубаясь. Если ваша ирония в эту мишень была направлена.

– Георгий Евгеньевич считает, – вроде бы уважительно, но и с издёвкой молвил Никита, – себя единственным разумным существом во всеобщем дурдоме.

Георгий поморщился и этак многозначительно покачал головой.

– Вы несколько утрируете, но в целом направление мысли верное. Правда, увы и ах, во всеобщем дурдоме никто себя не может считать полностью нормальным. Это невозможно.

Кажись, я понял, что это был за тип. Обыкновенный Фома Неверующий, их много сейчас по улицам ходит, в кабаках сидит и даже на телевидение разглагольствует. Люди, которые не верят в существование СССР. Считают его розыгрышем, фикцией. Заманчивое прибежище, надо сказать, – лечь на илистое, но мягкое дно тотального отрицания и наслаждаться там собственной ядовитой скорбью и наивностью всего остального человечества. К счастью, я сумел избежать подобных ловушек, хотя к ним и тянуло. Потому что это абсолютное аутсайдерство, добровольный уход из игры. А фишка-то в том, что пока игра в разгаре, в неё следует играть. Необходимо играть, как бы глупо это ни выглядело со стороны. Только в движении, в действии смысл жизни.

– Итак, очередной вопрос, – вещал ведущий-стройотрядовец. – Какая музыкальная композиция, зарубежная, обратите внимание, звучала одно время заставкой к передачам центрального телевидения «Время» и «Сельский час»? Очень неожиданная композиция.

И вновь я дал шанс гипотетическим конкурентам завоевать баллы. Конкуренты выдавали полную хрень.

«Йестедей!» – кричали они. – «Манчестер-Ливерпуль!» «Чао, бамбино, сорри»!

А какой-то чувак – правда, сильно пьяный, может, прикалывался просто? – и вовсе огорошил:

«Лузин май релиджен»!

Ага, «R.E.M.» написали заставку к программе «Время». Круто!

Пришлось вмешаться:

– «Люцифер», группа «Алан Парсонс Проджект».

– Точно! – обрадовался ведущий. – У нас наметился лидер. Девушки, второй значок молодому человеку. Представляете, главная телевизионная программа Советского Союза, программа «Время», начиналась с композиции под названием «Люцифер»! Разве способны сторонники частной собственности на такие приколы?!

О, верно, брат! Ты прав, как никто другой. Интересно, а с какой музыки она начинается сейчас? Там, в Союзе. Что-то ни разу про это не говорили в репортажах из СССР.

Я стал обладателем второго картонного значка.

– Самое удивительное, – услышал я снова пьяненького Георгия, – что всё население России, ну практически всё, жаждет эмигрировать в этот Союз. Разве это нормально, скажите на милость?

– Особенно потому, что его нет на самом деле, я правильно тебя понял?

– Да есть он, есть, – махнул рукой собеседник. – Как же ему не быть. Так масштабно врать уж не станут.

А, вот так значит. Мы, оказывается, не столь безнадёжны.

– А знаете, в чём главная причина такого всепоглощающего стремления? Знаете?

– Не знаем, не знаем, – выдал риторический ответ Никита.

– Это ведь вовсе не из-за желания пожить в социальной справедливости при благостном коммунизме, нет. И это обстоятельство тянет, слов нет, но не оно главное. Главное здесь в чистой психологии. Точнее, в чистой патологии. Все просто хотят увидеть другой вариант собственной жизни. Увидеть себя в других обстоятельствах, в другом окружении, в других интерьерах и с другими возможностями. Как бы со стороны подглядеть. А им это запрещают! Потому что тамошняя вселенная может не выдержать, взорваться может от присутствия двух одинаковых людей в собственном пространстве.

– Ну, вообще-то на той стороне, – вмешался Никита, – далеко не все имеют своих двойников. Это же не зеркальное отражение нашей реальности. Кто-то из нас там уже умер, а кто-то и вовсе не родился. Вы знаете, насколько изменились в параллельном СССР варианты судеб после того, как этот исландец Сигурд взорвал себя на саммите в Рейкьявике?! Даже представить невозможно! Не было Карабаха, всех этих среднеазиатских войн, Чечни не было. Сколько людей сохранило себе жизнь!

– Зато сколько её потеряло, – не унимался Георгий. – В Пакистане и Бангладеш, в Европе и Штатах. Хотя не в этом дело.

– Совсем немного, – вставил я. – Советское командование жалело солдат.

Хотя, пожалуй, он не о солдатах.

– Да и потом, – продолжал Костиков, – с чего вы взяли, что присутствие двух одинаковых людей в одной пространственно-временной плоскости может уничтожить вселенную? Присутствуют же близнецы, и ничего подобного.

– Близнецы – разные люди, – горячился, прихлебнув из бокала наш новый знакомый. – А вот если один и тот же. Если вы встретитесь там с самим собой. . .

– Ерунда! Полная ерунда! Я это вам как физик заявляю. Ничего не произойдёт. Это антинаучная теория. И навеяна она, скорее всего, дешёвыми фантастическими фильмами.

– А почему же тогда нам не говорят, есть ли там наши двойники или нет? Почему мне не говорят, есть вот я такой в Советском Союзе или нет меня там?

– Ну а почему нам должны это говорить? – удивился Никита. – Отношения у Российской Федерации с Советским Союзом дружеские только внешне. Да и то лишь потому, что вроде мы русские, и вы русские, так давайте жить дружно. А так всё сверхсекретно. Никаких вольностей.

– Я знаю, – вставил я зачем-то, – что некоторые люди здесь, в России, узнавали себя в телевизионных репортажах оттуда.

– И что они при этом чувствовали? – тут же встрепенулся Георгий.

– Ну кто же знает, что они чувствовали. Прикольно им это, наверно, было – вот и всё.

– А мне кажется, что они чувствовали горечь, – глаза Георгия увлажнились. – Гнетущую горечь оттого, что не могут быть рядом с самими собой и страстное желание слиться с этим собой, который там, на другой стороне. Пусть даже ценой гибели вселенной, чтобы обрести в себе что-то, что было утеряно безвозвратно. Ведь мы все, признайтесь, чувствуем себя обкраденными. Знаете, в этом что-то настолько величественное, настолько пугающее, что мне иногда даже думать страшно об этом. Я уверен, что в этом ключ ко всем тайнам в мире. Встретиться с самим собой на другом рубеже, слиться в единое целое, а потом встретиться и с третьим, четвёртым, пятым – ведь если обнаружился один мир, то должны быть и другие – и, в конце концов, когда все миры и все инкарнации будут исчерпаны, превратиться во что-то немислимое. В Бога! Вам не хочется превратиться в Бога? Ну скажите, неужели не хочется?

– Э, да у тебя, дядя, – не выдержал я, – кое-что пострашнее ностальгии. Даже не знаю, как это назвать.

– И я не знаю, – кивал Георгий Евгеньевич. – Может быть, это просто усталость от себя самого.

Ведущий ещё пару раз задавал вопросы на знание истории СССР и её культурных ценностей, и опять картонные пионерские звёздочки доставались мне. Наконец торжественно,

под фанфары и многократно повторяемое в динамиках гагаринское «Поехали!», мне вручили бутылку «Советского шампанского». Я вида не подал, но в глубине души ликовал.

Наш знакомый к тому времени окончательно отрубился. Я предложил Никите выпить шампанского, но он отказался.

– Не люблю я шампанское. В другой раз. Давай поговорим, наконец.

Мы пересели за освободившийся столик, оставив Георгия спать на столе уткнувшимся в свои руки, – мало ли, вдруг подслушает чего – взяли ещё по пиву, и Никита принялся посвящать меня в свои сенсационные новости. Как выяснилось, они действительно заслуживали такой восторженно-неожиданный статус.

– В общем, сообщаю без вступлений, – сверкал он очами. – К нам в институт приняли на работу перебежчика.

– Какого перебежчика?

– Из Союза.

– Да ладно, брось!

– Зуб даю!

Я отхлебнул из кружки пиво и попытался переварить информацию.

– То есть, ты хочешь сказать – иммигранта?

– Не просто иммигранта, а именно перебежчика. Человека, сбежавшего из Союза к нам в долбанную Россию.

– В обход официальных структур?

– Именно!

И всё же я до конца не врубался.

– То есть, он как-то сам смастерил пространственную машину, которая перенесла его в параллельную реальность?

– Утверждает, что сам. Я, правда, с ним ещё не общался, не было возможности, но кое-кто на кафедре успел парой слов обмолвиться. Профессор, физик, советский диссидент, люто ненавидевший советский строй и мечтавший из него смотаться. Колоритный такой дядька, живой, подвижный. Видать, его какое-то время здесь в подполье держали, изучали, а он взбунтовался. Хочу, мол, жить полнокровной жизнью, работать, преподавать как раньше. Ну, и выпросил себе место у нас в институте.

– Да уж, похоже, гнида редкостная...

– Ну, по политическим взглядам может быть, – я видел, Никите не хотелось со мной соглашаться, – а так интересный мужик. С понедельника выходит на работу. А в конце следующей недели с ним пройдёт что-то типа творческой встречи. Для своих – преподавателей и студентов. Видимо, его и в плане агитации капиталисты хотят использовать. Наверняка много чего интересного расскажет. Так что там пообщаться, перетереть за жизнь, я полагаю, с ним можно будет.

Да, всё это действительно неожиданно.

– Слушай, а ты можешь провести меня на эту встречу?

Костиков особо не раздумывал.

– Ну, а почему бы нет? У нас не настолько тесный коллектив, что все друг друга знают. Особенно студентов. Сойдёшь за студента.

– Хочется, – мрачно смотрел я в пустую кружку, – хочется посмотреть на этого героя нашего времени. Он ведь и в нашем деле с агрегатом может оказаться полезен.

– Да и я об этом, и я! – зашевелился возбуждённо Никита. – Вдруг каким-то образом получится выудить у него технологию пространственного перемещения! Тогда мы короли!

Я думал. Это было бы здорово. Не пришлось бы искать денег на официальную эмиграцию. Я могу ведь их и не собирать, даже с серией удачных гоп-стопов.

– Ну, а как у тебя исследования продвигаются? – поинтересовался.

– Ну как, – Никита изобразил кислую физиономию, – как обычно. Завихрения явные, пространственные слои на несколько мгновений удаётся захватить. Потом сброс. О раздвижении речи не идёт. Принцип тут иной надо применять, принцип. Изящный ход есть какой-то, как в шахматах. А он не находится. Да и потом, не забывай, что в домашних условиях трахаюсь. Ты вот ни хрена мне не помогаешь с оборудованием.

– Как уж не помогаю. По мере сил. Вон сколько тебе приборов подогнал!

– Приборы ладно, мне саркофаг нужен. Закрытый, цельный. Чтобы сразу в нём пространственную яму создавать. И чтобы был в человеческий рост.

– Как он должен выглядеть?

– Да внешний вид не главное. Железный гроб – вот и всё. Типа того, что в «Аватаре» было.

У меня вдруг засвербела мыслишка.

– А такие, которые в соляриях используют?

– Не был я, конечно, в солярии, но если они такие же, как их в фильмах показывают, то вполне подойдёт. Главное, чтобы туда человек помещался, и чтобы закрывалось всё плотно.

– Ладно, постараюсь. Есть у меня вариант. Может, что и выгорит.

Народу становилось всё меньше, ансамбль уже не играл, по залу нетвёрдо перемещались нетрезвые завсегдатаи. Официантки потихоньку уговаривали их разойтись. Они растолкали Георгия и, ничего не понимающего, вывели к гардеробу. К нам тоже подваливала одна и участливо интересовалась, не забрать ли бокалы. Хоть «Прожектор» и работал до последнего клиента, но сотрудникам заведения хотелось свалить домой пораньше.

Делать здесь действительно было нечего. Стали собираться. Впрочем, я чувствовал, что чаша моя ещё не полна. То ли от выпивки, то ли просто сами по себе закружились в груди романтические ветры. Нежности захотелось, ласки.

Решил звякнуть Кислой.

Перед тем, как попрощаться, Костиков вдруг сообщил мне:

– Антон Самохин заходил ко мне недавно. То да сё, но между прочим поинтересовался, как у меня дела по вскрытию пространства продвигаются.

– Гарибальди? Чего это он?

И вслух то же самое сказал:

– Чего это он? Вроде ему всё это по барабану было.

– Может, так просто спрашивал, для поддержания разговора. А может и не по барабану. Только бы он Никиту не вздумал вербовать! Никита податливый и социалист убеждённый, его перетянуть не сложно. Но не его это всё, не его. Не боец он.

Да и вообще, зря я в Звёздочке растрепался о наших с Костиковым делах.

Шампанское класть было некуда, но на моё счастье официантка где-то отыскала мне потёртый, но вполне ещё крепкий пакетик.

Кислая не отвечала. Более того, у неё вообще телефон был отключен. Я позвонил на городской домой. Взяла мать. Я её видел несколько раз, и вроде бы она мне даже симпатизировала, потому что без утайки поведала, что Наташа де отправилась на психологические курсы и вот, бессовестная такая, до таких пор припозднилась.

Психологические курсы! Психологические курсы, вот как она это называла!

Знаю я, что это за курсы. Знаю. Я же говорил ей, дуре этакой, строго-настрога предупреждал, что ноги оторву, если она ещё раз в эту секту отправится. И она мне обещала. Мол, всё поняла. Исправлюсь. Ох, что я сейчас с тобой сделаю!

От нахлынувшей злости я совершил то, чего уже давным-давно не делал – поймал мотор. Обошлась мне эта поездка в целый шукарь – я просто проклинал себя, но в особенности

Кислую за то, что вынужден был отдать такие неслабые деньги лишь за то, чтобы добраться из одного места Москвы в другое. По мне это полный зихер.

Хотя штука – это ещё по-божески. Левый бомбила попался, официальный таксёр бы все три запросил. Если не больше.

Секта арендовала актовый зальчик в одной из школ в Кузьминках и два раза в неделю устраивала там сходки. Как она называлась по документам, я не знал, но про себя окрестил её Советской Церковью. Короче, группа отъявленных придурков, среди которых выделялся некто Дядя Коля, их духовный лидер и отменный шизоид, пришла к выводу, что в образе параллельного СССР нам открылся потусторонний мир – то есть, попросту говоря, рай. И никакая это не другая вселенная, а благодатное царство мёртвых, в которое и мы после праведной кончины имеем шансы попасть.

Я ходил к ним пару раз – поначалу и сам заинтересовался, а потом Кислую забирал. Сектанты начинали и заканчивали встречи с молитвы, в которой обращались к «Генеральному Секретарю всего сущего», слушали советские песни – причём наиболее кондовые, что-то вроде Зыкиной и Кобзона – и обсуждали аспекты трудоёмкого постижения истины через обнаружение внутри самих себя «искр советского пламени». Искры эти обычно находились через воспоминания о советском прошлом (для тех, кто его помнил) или же прямолинейном фантазировании о советских реалиях (для тех, кто был моложе и жизнь в Союзе не застал).

Кто бы только знал, как я ненавидел весь этот сброд за такое чудовищное надругательство над антиклерикальной сущностью советского строя! Так извратить дух Союза могли только обезьяны в человеческом облики.

Когда я прибыл на место, собрание уже подходило к концу. По крайней мере, Дядя Коля, красовавшийся перед публикой в майке, домашних трикошках и тапках на босу ногу – это считалось у них чем-то вроде униформы – заканчивал благодарение «Генеральному Секретарю» за все милости, бывшие и будущие, просил у него «выполнения всех пятилетних планов преобразования души человеческой» и благополучного завершения «ударных социалистических строек, в которых нынешний человек, превратившийся в падшее животное, перекуётся в бессмертного Человека Торжествующего». Паства – мужчины в таких же трико с оттянутыми коленями, а женщины в застиранных халатиках – с величественным молчанием внимала словам наставника.

– Сестра, – обратился, закончив, Дядя Коля к помощнице. – Поставь, пожалуйста, утешающую мантру преподобной Майи Кристалинской.

Скрипнула по винилу игла и из единственной колонки старого монофонического проигрывателя в зал полилось: «А снег идёт, а снег идёт...»

Я отыскал глазами Наташу. Народа на сходке присутствовало немного, человек двадцать, а она сразу выделялась среди остальных своей молодостью. Всё же в основном здесь тусовались старпёры. Сутулая, печальная, стояла она с краю в неразличимого цвета халате, подвязанная белым платочком в серый горошек. Я протиснулся к ней, резко развернул к себе лицом и хотел уже наотмашь ударить её бутылкой шампанского, что тряслась в шуршащем пакете, но стало вдруг Кислую жалко. Да и взглядом она одарила меня таким просветлённым, что рука бы не поднялась.

– Я тебе чё говорил!? – зашипел я на неё. – Предупреждал или нет!?

– Мужчина! – зашикали на меня. – Не нарушайте таинство. Звучит мантра!

– Ещё раз, – крикнул я, без труда перекрывая голос Кристалинской, – вот эта девушка сюда придёт, – а прежде всего, я к этому Дяде Коле обращался, который с лукавым и будто бы понимающим укором внимательно наблюдал за мной, – то я сожгу вас тут всех на фиг! Вы поняли меня, идиоты!?

Идиоты оскорблённо качали головами и шептали друг другу возмущения. Но шикать на меня перестали.

– Пойдём! – потащил я Кислую за собой. – Дура безмозглая. В кого ты себя превратила! Она послушно позволила вывести себя в коридор, забрать наваленные в кучу прямо на скамейке вещи, переодеть и посадить в машину, которая ещё ждала меня у входа.

Вплоть до самого дома она молчала и лишь после того, как я расплатился с водилой (ещё два штукаря, какая мне в жопу эмиграция!) и машина отчалила в ночь, позволила себе высказать робкое возмущение.

– Они не идиоты, – обиженно волочилась она вслед за мной по подъездной лестнице. – Ты просто фишку не рубишь. Это не религия никакая, это просто стёбовая защита от атак повседневности. Театр абсурда, если хочешь. Ты приходишь туда, играешь свою роль, и по ходу этого массового действия реальность начинает восприниматься по-другому. Не так остро, с иронией. Знаешь, как это помогает! В это всё погрузиться надо, только тогда оценишь приколы.

– Я повторять не буду, – обернулся я на ходу, – ещё раз туда лыжи наостришь – хребет сломаю.

– Да блин, ты сам такой же! Советскую музыку слушаешь, советских писателей читаешь, фильмы только советские смотришь. У тебя самая настоящая религиозная зависимость. Просто ты не отдаёшь себе в этом отчёт.

– Во всём я отчёт отдаю. Я не ради утешения музыку слушаю. И не для того, чтобы забыться. Я никогда от реальности не прятался.

– Зато хотел бы!

– Меня всё советское делает сильнее, а твоих сектантов только порабощает. Ты посмотри на их лица – там ни грамма жизни не осталось. Они ходячие трупы. Слабые, ничтожные люди. Стрелять таких надо. На Красной площади четвертовать. Они Советский Союз развалили, а теперь, когда им новый открылся, божественные очертания в нём увидели. Нет, убогие! Вы свой Союз благополучно просрали. А этот – он не для вас. Он для нас.

Мы взобрались на пятый этаж, Наталья заскрежетала ключом в замке.

– Ты ночевать-то хоть оставишь меня? – поинтересовался я. – А то, может, и поднялся зря.

– Ну а что теперь с тобой делать? – отозвалась она, горько улыбнувшись.

Дверь открылась, мы протиснулись внутрь, а через пять минут уже чокались на кухне бокалами с шампанским и целовались. Наташина мать выбралась на несколько секунд из своей комнаты в коридор и, не заглядывая на кухню, прошептала: «Ну слава богу, вернулись». Добавив ещё совершенно ненужную информацию о том, что «В холодильнике сыр оставался», она удалилась в спальню.

Усталый, нетрезвый, я всё же нашёл в себе силы на недурственный секс, который случился в зале на диване. По крайней мере, засыпая, Наташа шепнула:

– Сегодня ты превзошёл себя!

Врала ведь наверняка, но всё равно приятно.

Глава четвёртая: Денежный вопрос

По мишеням я стрелять не люблю. Особенно по статичным. Да и вообще не люблю, так уж, приходится просто. Хотя в оружии есть нечто завораживающее. Аура своя, запредельность цепляющая, философия та же. Но я не фанат.

Однако пострелять в этот день пришлось – именно по мишеням, именно по статичным. Если нужного тебе человека можно поймать только в стрелковом клубе (одно название – на самом деле обыкновенный тир, только для припонтovaných) то, хочешь – не хочешь, а надо изображать заинтересованность к стрельбе. Нет, я, конечно, не исключаю, что здесь и просто так можно посидеть, сока попить за столиком, но это означает нарваться на подозрительные взгляды, а мне в моём полуподпольном положении любого рода подозрения крайне нежелательны. Я обязан сходить за среднестатистическое чмо, олицетворение посредственности, а потому в стрелковом клубе надо стрелять.

В этот раз я неважно пулял, даже поразился. В реальных условиях, когда перед тобой враг, рука твёрже, глаз острее – сам не успеваешь понять, как всё концентрируется и срабатывает. А здесь... Расстрелял первую обойму, снял наушники эти долбанные с очками (от них ещё, пожалуй, меткость ухудшается), нажал на кнопку транспортёра, который щит с мишенью приближает. Гляжу – господи помилуй! – стыд и срам. Самый лучший выстрел – в семёрку. Ещё в пятёрку есть. Остальные не дальше тройки и вообще в молоко. Хорошо, что в Комитете зачёты по стрельбе не проводят, а то бы меня тотчас же на пенсию без содержания отправили.

Тот, кто был мне нужен, находился здесь. Раньше меня пришёл. Стоял у своего коридора, этакий щекастый увалень, смешно гримасничал, сосредотачиваясь, вставал в джеймсбондовскую позу и палил, ещё и успевая издавать какие-то нечленораздельные, но явно героические звуки. Я замедлил шаг, когда проходил мимо, он вскинул на меня глаза – ни единого кивка, ни малейшего знака. Оно и понятно, нельзя. Но когда появится возможность, он подойдёт.

Я присел за столик, подозвал халдея. Всегда напрягаюсь при общении с официантами и разной прочей обслугой. Потому что чувствую себя виноватым. Человек вроде как унижается перед тобой, а ты вот так запросто это принимаешь и должен изображать, что так и должно быть. То есть должен демонстрировать, что мировая несправедливость, породившая такую извращённую систему отношений, тебе мила и близка, что ты её полностью принимаешь и всячески поддерживаешь – походами в значные места, голосованием на выборах, налогами и ежесекундными вдохами-выдохами. Но надо, чёрт возьми, надо. Особенно в такие моменты.

Заказал текилу, как последняя капиталистическая мандавошка. Типа я такой успешный, весь насквозь частнособственнический, пью текилу в престижном стрелковом клубе почти что для избранных и наслаждаюсь. Это синдромом босяка называется. На девяносто девять процентов капитализм кормится босяками. Это самая благодатная для него пища. Босяки мечтают стать капиталистами, и некоторым он порой предоставляет такую возможность. Ну, или хотя бы создаёт видимость этой возможности. Пусть ты менеджер задроченный в такой сраной шарашке, что и близким людям открыться стрёмно, но изображай, что ты крут, что удача тебе улыбнулась, что это только начало, что покорение Джомолунгмы, как в прямом, так и в переносном смысле, уже запланировано в органайзере. В общем, наслаждайся жизнью, босяк, соси вонючие члены у тех, кто похитрее и понахрапистее – а они повыше тебя в социальной лестнице, значит надо сосать – и пей текилу. Потому что это признак успеха.

Впрочем, сейчас я в образе, а потому текила уместна. Я же шифруюсь, я же голимая посредственность. Правда, в глубине души мне был неприятен тот момент, что мне текилу эту всё же хотелось. Даже мысль мелькнула, искре подобная: «А вдруг и в самом деле посредственность убогая?» Отогнал её торопливо.

Он, тот, который был сегодня мне так нужен, через пару минут тоже отстрелялся. Приблизил к себе мишень, удовлетворительно покивал головой – я не видел наверняка, но вроде бы несколько попаданий в яблочко – и как бы тоже решил развеяться. Отошёл в глубь зала, присел за столик. Разумеется, за тот самый, где сидел я.

Подбежал услужливый халдей (а он здесь был воистину услужлив, даже неприятно стало – неужели действительно человек без гордости?), принял заказ на бокал пива и вскоре доставил его на блюдце с салфеткой. Тот, кто был так мне нужен, отхлебнул и откинулся на спинку кресла.

– Хорошо сегодня стрельба идёт! – чуть повернувшись ко мне, похвастался он. – Густо кладу.

– А у меня что-то неважно, – отозвался я. – Может, оружие не пристрелянное дали. Или вообще бракованное.

– Нет, здесь за оружием хорошо следят. Видимо, вы сами такой. Мазила.

Это он типа шутил. Типа прикалывался. Ну ладно, я же в состоянии шутку отличить.

– Очень может быть, – ответил.

Мы помолчали. Народу в клубе было сегодня немного – будний день всё-таки, да к тому же почти утро. В двух коридорах ещё стреляли, три человека кроме нас усасывали напитки за столами. Негромко звучала музыка – этакий приятный буржуазный изилисенинг. Внимания на нас никто не обращал.

– Ну что там у тебя? – спросил наконец мой сосед. – Не дай бог, ерунда какая-нибудь.

– Я за помощью к тебе хочу обратиться, – начал я.

– Финансовой?

– Ну, типа того. Хотя не совсем. Вещь одну у тебя хотел попросить.

– Какую?

– Солярий мне нужен. Та гробина, в которую люди ложатся позагорать.

– Ни хера себе! – присвистнул он. – Так сходи в солярий и позагорай. Ты меня из-за этого искал?

– Мне эта дура для другого дела понадобилась. Для научного эксперимента.

Мой собеседник недовольно отхлебнул пиво из бокала.

– Ну а я-то здесь при чём?

– Ну, у тебя же вроде как салон красоты есть. В котором солярии имеются.

– Салон не у меня, а у моего дяди. Я там просто работаю.

– Для меня это одно и то же. Я думаю, от одного солярия ваш салон не убудет.

– Щекастый малый взглянул на меня так презрительно и недовольно, что не знай я этого человека, то сразу бы засмутился и убежал домой маме жаловаться.

– И что же ты хочешь – чтобы я открутил солярий из салона и отдал его тебе?

– Точно!

– Ты под кайфом что ли?

– Я не ширяюсь.

– Ты знаешь, сколько один такой солярий стоит? Триста тысяч!

– Ну и что?

– А кто их нам вернёт? Ты что ли, гопническая душа?!

Я начинал на него обижаться.

– Чего-то ты прямо как последний буржуй рассуждаешь! Ты послушай, в чём тут дело. Я просто не рассказал ничего, вот ты и не понял. В общем, один мой друг занимается поисками пространственного коридора в параллельную реальность. В Советский Союз. Он уже у цели, опыты показывают, что пространство постепенно раздвигается. Но ему нужен вот этот долбаный солярий, чтобы превратить его в машину для перемещений. Представь, какие после этого для нас откроются перспективы! Войдём в контакт с правительством СССР, начнём переправ-

лять сюда оружие, взрывчатку, фальшивые денежные знаки, опытных инструкторов. Короче, за полгода подорвём всю экономику сраной Рашки, совершим переворот и установим коммунистическую диктатуру. Нам по любому без помощи Союза не справиться. Тут нужны полномасштабные войсковые операции, организация дела совсем на другом уровне, не так топорно, как у нас. Представь: прорвёмся в Союз – и здесь наконец-то Союз построим!

Собеседник смотрел на меня теперь уже насмешливо. Как на форменного дурака.

– Давно такой наивной хрени не слышал.

– Да почему наивной-то?

– Потому. Хрень всё это. Мы только на себя можем рассчитывать. Никаких суперменов из СССР для нас не существует. Никто нам не поможет, кроме нас самих.

– Да почему, ёпэрэсэтэ?! – недоумевал я. – Если существует официальный канал переправки людей в Союз, то можно построить и неофициальный. Всё абсолютно реально! Политбюро должно быть заинтересовано в этом.

– Да ни хрена ты ничего не знаешь про Политбюро. В чём оно заинтересовано, а в чём нет. Ответ отрицательный. Ты, может, и не просёк этот момент сразу, но у нас в Комитете не одобряют эти эскапистские настроения. Они только удаляют нас от цели.

– Да не в Комитете тут дело! – негодовал я, и почти уже в голос. – Это ты зажрался, нэпман! Оброс, блин, соляриями и стрелковыми клубами, сыт, доволен, ничего менять не хочешь. Автоматы по кругу передаём, как сироты какие, на бой выйти не с чем, а ты жиреть собрался, сука!

Человек встал и направился к выходу.

– Брынза! – крикнул я ему в спину, нарушая все писанные и неписанные законы.

В раздражении он обернулся. Тут же поспешил вернуться за свой только что покинутый стул, чтобы окружающие не обращали на нас внимание.

– Я для тебя двоих парней завалил, – выщеживал я сквозь зубы ярость. – Даже не спрашивал, зачем это нужно. Надо – значит, надо. Революционная необходимость. А они нормальные парни были. В ночной клуб приходили – со мной за руку здоровались. Анекдоты рассказывали. Но раз ты попросил, у меня никаких сомнений не было. И жалости никакой. А сейчас ты мне в такой ерунде отказываешь!

– У меня нет денег на твои забавы, – ответил он успокаивающим тоном, словно я вот-вот готов был вгрызться ему в горло. Да я и был готов. – Дядю я кидать не могу и не хочу. У вашей Звёздочки есть оборотные средства, покупайте, играйтесь, я вам запретить не могу. Но не более того. Повторяю сказанное: ответ отрицательный.

Он снова поднялся, на этот раз живее, решительнее и торопливо, почти бегом засеменил к выходу. Недовольно приподнял руку, чтобы взглянуть на часы – они блеснули из-под рукава рубашки. Хорошие часы, дорогие, небось.

– Ты об этом пожалеешь! – крикнул я ему в спину.

Брынза напрягся, будто мои слова догнали его и больно ударили по голове, но не остановился и оборачиваться не стал. Он спешил покинуть заведение.

Следующие минут пятнадцать я нервно допивал текилу и отчаянно материл этого нэпманского ублюдка. Гнида, пидар, сука продажная!

Поворот этот оказался для меня воистину неожиданным. Я и представить не мог, что получу отказ от товарища по Комитету. Да ещё в деле, которое столь важно для всех нас.

У меня оставалось ещё две обоймы и, расправившись с выпивкой, я быстро расстрелял их. Пули ложились гораздо точнее.

Ну где, где я смогу взять эти триста тысяч? На гоп-стоп идти? Ну а что, придётся, раз дело такое. Ладно, может быть, и не триста нужно, у этого гандона солярии пороскошнее да погламурнее, не рядовые, пусть двести, пусть даже сто пятьдесят, но и их где-то надо надывать.

Сам-то я денег никогда не откладывал, сколько было на руках – тратил до последней копейки. Жил по-советски: для чего сбережения в коммунизме, где денежные знаки отменены?

Взбудораженная черепушка лишь одно решение подсказывала, один вариант предоставляла: Белоснежка. Честно говоря, меня ломало у неё просить. Какой-то чужой она мне была, и за все эти месяцы так и не зародилась в сердце искренняя к ней симпатия. Даже просто потрепаться по душам не получалось – сразу скатывался в эмоциональный ступор. Вот что значит энергетические заряды разные, не стыкуются.

Всё же она мой товарищ по партии. Боевая подруга. Эмоции и комплексы надо держать при себе. Здесь рассуждать надо просто: требуется достичь цель – значит, не взирая на трудности, обязан выполнить задачу. Почему вон капиталуги в нашей реальности коммунистов победили? Потому что никогда и не в чём не сомневались. Тупо гнули свою линию и выполняли задания боссов. У них тоже кое-чему можно поучиться.

Решительность, снова заявившаяся ко мне во всей красе и полноте, торопилась тут же упорхнуть, и я не стал позволять ей вольничать. Стремительно вытащил из кармана телефон, отыскал среди имён Вику и нажал на кнопку дозвона.

Связь не устанавливалась, Викуша пребывала вне зоны доступа. Раздосадованный, я принялся названивать ей снова и снова, но с тем же результатом. Красавица либо отключила свой сотовый, либо свалила на шоппинг за границу, как они со своей матушкой любили делать раз в месяц-два. Впрочем, и за границей телефон должен был пахать. Это просто запахло, вот как оно называется.

Ближе к ночи она всё же отозвалась.

– Виталик? – у-у ты, лапочка. Невинна, как трусики Мальвины. Ну как такую обругаешь, даже несмотря на то, что все в Звёздочке круглые сутки должны быть на связи?

– Вика, бабло мне надо. – Я понимал, что как-то неправильно начал разговор, не в той тональности и не с теми обертонами, но делать было нечего. – Можно займы, а можно и просто так.

– Ой, я не знаю, осталось ли у меня. Я потратилась в последние дни. Тебе сколько надо?

– Триста тысяч для верняка.

– Триста... – ни малейшего удивления. То ли натренирована, то ли действительно не деньги. – Ну, я посмотрю, сколько там на карточке осталось, только, знаешь, мне кажется, триста не наберётся. Тысяч сорок если. Но если хочешь, я у мамы попрошу, она не откажет. Только ей надо объяснить, на что они мне нужны.

– Ладно, не торопись, – я понимал, что это тот же самый облом. – Ты где вообще находишься?

– В Питере. В гости ездила. Знаешь, в Эрмитаж ходила. Там столько интересного!.. Хотя капиталуги относятся к нему наплевательски.

– Ну ладно, до скорого!

– Ой, слушай, а тебе Антон не звонил? Мне только что. Он это... Ну, как бы собирает всех. Как обычно.

– Когда?

– Завтра ночью. Ты понимаешь где?

– Понимаю, понимаю. Пока.

Вот ещё и Гарибальди тему мутит. Видимо, снова приказ от Политбюро. Опять надо Родине послужить.

Почти тут же раздался звонок от Антона. Так и есть. Общий сбор.

Ну ладно, послужим. Раз Родина просит.

В день сходняка я ещё один вариант решил прощупать. Тухлый, конечно, но мало ли. Вдруг чего получится.

Вариант имел отношение к Пятачку. Он, само собой, не миллионер, но и не бедствующий. В «Российской газете», в общем-то, ничего так платили по моим данным. За пять лет добросовестной канители, что Пятачок там утоптал, скопить кое-чего можно было. Просто поговорить надо правильнее, объяснить значимость момента. Так-то он хороший парень.

Думал прямо в редакцию к нему наведаться, но войти в здание не успел, потому что прямо у дверей столкнулся лицом к лицу с ним самим. Борька вместе с фотографом собирался в Дом правительства на пресс-конференцию с министром финансов. Фотографа этого я пару раз прежде видел – смурной такой мужик, но вроде нормальный.

– Ну поедем, поедем, – хлопнул меня по спине Борис, едва я принялся невнятными намёками разжёвывать о цели визита. – На месте поговорим.

Я безропотно уселся вместе с ними в редакционную машину, полагая, что как вылезем, так и перетрём, но, едва машина тормознула у Белого дома, они с фотографом тотчас помчались к вызывающей некоторый трепет и стойкое желание закидать её гранатами резиденции капиталистических министров.

– Ты без... этого? – на ходу шёпотом поинтересовался Пятачок. – А то там рамка.

Про ствол спрашивал. Я был налегке. Да и внутрь заходить не собирался.

У входа вроде как тормознул – мол, здесь вас подожду, – но Борька подталкивал в спину: шагай, шагай. На входе, не предъявляя удостоверения, он бросил охраннику дежурное «Пресса», – и тот даже не предпринял попытки нас остановить, лишь добродушно пожурил: «Уже началось!» – и втроём мы беспрепятственно преодолели его бдительные, но добрые очи. Нехитрый трюк мне понравился – в будущем, возможно, придётся это здание захватывать, так что надо занести в наработки.

В конференц-зале почти такой же добродушный, как охранник, министр – вроде бы Аливердиев была его фамилия, он недавно сменил ликвидированного бойцами Комитета Кудрина, это был наш третий крупный успех после Чубайса и Шохина – уже душил занимательной арифметикой присутствующих журналюг. Мне от такого добродушия даже стыдно стало: вот ведь, за что-то не люблю этих милых граждан. Мы с Пятачком уселись сзади, на предпоследнем ряду, фотограф отправился на передовую ловить моменты.

– Я родом с Кавказа, – объяснял с обаятельным акцентом министр девчужке-журналистке, – а там экономика, в маленьком таком понимании, целиком и полностью базируется на бытовом укладе. Вот не отключает кто-то из соседей электричество, стереосистема там, кинотеатр домашний там, пять компьютеров там, а счётчик он себе специально сломал, чтобы платить по среднестатистическим величинам – соседи приходят к такому зарвавшемуся индивиду и говорят: «Ая-яй-яй, дорогой! Нехорошо поступаешь! Почему мы за тебя должны доплачивать энергопоставляющей компании? Там люди стараются, работают, драгоценное электричество до нашего дома доводят, а из-за того, что у тебя счётчика нет, твоё потреблённое электричество на нас записывают. Ты смотри, уважаемый, мало ли что с тобой может приключиться безлунной ночью!» И сосед отвечает: «Вах-вах-вах, виноват глубокоуважаемые мои, сегодня же счётчик куплю, а пять компьютеров на помойку выкину, потому что там одна порнография, которую приличному человеку смотреть стыдно». Вот так у нас проблемы решаются. Это хороший пример для всей России. По-простому, по-дружески загляните в соседнюю квартиру, посмотрите, что там за электроприборы работают и честно ли за них хозяин расплачивается – и я уверен, он постесняется тех, с кем рядом живёт, обманывать. Вот так и снизятся ваши счета за электричество.

– И всё же, – лопотала девчужка, – может быть, дело не в соседях, а в произволе энергетических компаний? В том, что цепочка поставщиков от электростанции до рядовых потребителей насчитывает по четыре-пять организаций, и каждой надо кормиться?

– Ой, какие слова нехорошие вы употребляете – произвол, ещё там что-то... – морщился министр. – Нельзя так о людях труда, разве можно так. Я вам сугубо как пример электричество

привёл, это собственно и не моя стезя. Я сказать вам хочу, что только сообща, всем миром мы можем решить возникающие проблемы. Да, времена нелёгкие, не на всех денег хватает, но о социальной сфере мы никогда не забывали, она всегда у нас в приоритетах ходит. Только ради людей работаем. А вы с какими-то намёками грязными...

Борис записывал всю эту ахиною на диктофон. Едва заметно морщился.

– Сегодня сбор, – сказал он мне. – Знаешь?

– Угу.

– По какому поводу?

– Не в курсе.

Ну, пора и о деле.

– У тебя как насчёт копейки лишней? – поинтересовался я.

– Если действительно речь о копейке идёт, – улыбнулся он, – то имеется. А если же ты фигурально выразился, то не знаю.

– Ну, можно сказать фигурально. Мне тысяч двести нужно.

– Ого!

– Ну, вообще-то триста, но эту вещь, я думаю, и дешевле можно взять.

Пятачок, как и Белоснежка, о целях этого финансового запроса, деликатно не интересовался.

– Ну, не знаю, если очень нужно...

– Очень нужно!

Боря посерьёзней, задумчиво вглядывался в фигуру кривляющегося министра и вроде как раздумывал.

– Если очень нужно, то дам, – ответил он. – Хотя это и несколько напряжно мне.

– Ну, если напряжно...

– Дам, дам...

Пятачка стало жалко. Копил несколько лет эту пару-тройку сотен тысяч, свадьбу, может, хотел справить, или на что другое собирал, а тут вдруг я нарисовался со своими безумными планами. И ведь не смогу я ему эти деньги вернуть.

– Ну ладно, – сказал я, – не грузись. На следующей экспроприации пожирнее кусок себе оставим.

– Да чего ты! – стрельнул он в меня упрекающим взглядом. – Я же сказал, что дам.

– Не, ну если тебе тяжело это...

– Нормально. Переживу.

– Я ведь не настаиваю, не требую. Сугубо исходя из твоих возможностей.

– Возможности позволяют, – сурово отвечал Боря.

– Ну ладно.

Не возьму я у него ни копейки, понял я в это мгновение. Не смогу.

Пресс-конференция меж тем подходила к концу.

– Есть ещё вопросы? – взирал юноша в очках, пресс-секретарь, в зал.

– Не задашь вопрос? – спросил я у Бориса.

– Да пошёл он в жопу! – отозвался тот раздражённо.

Эмоциональная волна, как показалась, адресовалась мне. Нет, точно у него деньги брать нельзя!

Дисотеки сейчас – фуфло полное. Ладно, если какой ремикс на советскую эстраду врубят, их, в общем-то, частенько ставят, а так, оригинальный музон – одно убожество. У каждого времени своя музыка, свои книги, свои фильмы. У нашего времени нет ни музыки, ни всего остального. То, что сейчас выдают эти дебилы, окопавшиеся от реальной жизни за своими пультами, это не музыка вовсе. Как там это называется? Рэпид блэкдрим? И ещё куча ском-

понованных зарубежных словечек, которые не упомнишь? Там ни мелодии, ни даже ритма. Бездарная абстракция. Чем бездарнее – тем лучше. Потому что на дворе – эпоха бездарей.

Нет, у меня не старпёрское сознание. Могу кое-что и кроме советских ансамблей, да англосаксонских хард-рок групп прошлого века послушать. В детстве, помню, в десятых годах, в ночных клубах ещё можно было потанцевать, поразвлечься как-то, получить удовольствие от диджейских находок. А сейчас что? Сам музыку уже никто не пишет, только через пользовательские программы – нажимаешь на выбор кнопку, добавляешь желательного настроения, глубины погружения в подсознание и ожидаемого выброса адреналина. Всё, программа выдаёт продукт. Но ни настроения в нём никакого, ни глубин погружения, а уж об адреналине и говорить не приходится. Бессмысленная последовательность звуков. Блевотина, форменная дрянь! Как они там выбирают в своём кругу лучших – одному богу известно. Я свою послеармейскую работу в ночном клубе в том числе и поэтому не любил – из-за музыки, что там звучала. Наизнанку выворачивала.

Вот под такую дрянь и зажигали. Точнее, делали вид, что зажигаем. Хотя, кто его знает – Белоснежка, так та вроде вполне искренне колбасилась. Пятачок рядом с ней дрыгался, и тоже на вид отчаянно – но он больше, я всё же думаю, для маскировки, и чтобы девушке не скучно было. Кислая вокруг своей оси выдавала обороты, и что-то такое руками изображала. Умиряющего лебедя. Её от такого музона точно мутило. Эх, нам бы с ней «Землян» сейчас, «Траву у дома»!

Мы с Гарибальди и вовсе с места почти не двигались. Пятка, носик, топ-топ-топ. Ну, ещё руками туда-сюда. Долго, однако, никто здесь задерживаться не собирался: получим инструкцию и наххаузе.

– Политборо инициирует акцию! – стараясь перекричать децибелы невыносимого саунда, кричал Гарибальди.

Время от времени кто-то был вынужден тупо переспрашивать, так как разобрать командира можно было не всегда.

– Чё? – не понял Пятачок.

– Акцию!!! – терпеливо проорал Гарибальди снова.

– А, ясно.

– Примерно то же самое, что прошлым летом! – напрягал голосовые связки наш лидер. – Конкретных целей нет. Пострелять, пошуметь, показать своё превосходство и неуязвимость. Желательно в районе Садового кольца.

– Насчёт взрывов как? – прокричал я вопрос.

– Можно, – закивал Гарибальди. – Но не увлекаться. Дорогие машины, буржуйские магазины – не больше. Жертв среди мирного населения избегать.

– Мусоров?

– Их можно, но не увлекаться.

– Понятно.

– Когда выступаем? – это Кислая.

– Через три дня. Транспорт надо раздобыть самим. Шайтан, организуешь? Старенькая, но приличная иномарка. Белоснежку напрягать не будем, потому что машину придётся бросить.

Ещё несколько минут мы танцевали молча. Похоже, всё, инструктаж закончен. Я вопросительно посмотрел на Антона – тот взглядом эту самую мысль подтвердил. Всё.

Расходиться ещё рано. Надо с полчаса потусить, чтобы не вызывать подозрений. Мы стали рассасываться по территории танцпола. Я ухватил Гарибальди за локоть и потащил к бару.

– Пойдём, выпьем, – говорил на ходу. – Я угощаю.

Желание попросить у него денег возникло спонтанно. Вовсе не думал, но от него, показалось, исходила правильная аура. В общем, рискнул перетереть.

Выпили по рюмке коньяка.

– Дело такое... – начал я.

Антон молча и внимательно слушал, пока я рассусоливал ему про достижения Костикова, о которых он, впрочем, и сам имел вполне определённые представления, о значимости прорыва в параллельность для всего Сопротивления и для нас лично, расписывал в красках нашу жизнь и борьбу, которые явно станут богаче и насыщеннее, установи мы связь с Союзом, да и много чего ещё плёл, потому что, достаточно неожиданно для себя, почувствовал вдруг то, чего у меня и в помине не было – дар красноречия. На эти несколько минут он милостиво опустил на мою косноязычную сущность.

О предыдущих попытках найти деньги я благоразумно умолчал. Гарибальди, едва я закончил, покивал, посмотрел куда-то вдаль, на отвязно танцующую группу размалёванных девок, а потом задумчиво произнёс:

– Заезжал ко мне Брынза, рассказал о твоём к нему походе.

– Блин, вот гнида!

– Просил присмотреть за тобой, чтобы ты не натворил глупостей.

Всё, кирдык! Вот тебе и красноречие. И зачем я решил довериться Гарибальди? Он же службист, тупой исполнитель, потому его и сделали лидером Звёздочки.

– Тебе не следовало к нему обращаться, – с укором посмотрел на меня Антон. – Это не тот вопрос, с которым надо выходить наверх, в обход всех правил. Ты вообще о Брынзе не должен знать.

– Понятно! – рубанул я. – Пойду домой. Херовый здесь музон.

– Деньги на солярий найдём, – вдруг выдал Гарибальди. – Сколько надо, триста тысяч?

– Может, и двести хватит, – удивлённый, поспешил я его успокоить.

– Есть в кассе такая сумма. Завтра же купим. Правда, что потом будем делать, не знаю.

Выходит, надо будет на акции под шумок где-нибудь в магазине бабло увести.

– Да не проблема!

Он помолчал.

– Я всё же полагаю, надо пытаться найти коридор, если есть хоть призрачная надежда, – сказал затем. – Пусть там наверху что хотят думают, а нам это только пользу принесёт.

Чёрт, я был готов расцеловать этого человека!

– Да и Союзе побывать жуть как хочется, – подмигнул он мне.

Глава пятая: Не отрекаются, любя

– Нормальный агрегат, нормальный, – кивал Никита на ходу, рассказывая мне о доставленном к нему сегодня днём солярии. Мы встретились у станции метро, прошлись пёхом, и вот парадный вход института имени Баумана уже маячил перед взором. В этой обители науке мне бывать не приходилось. Я вообще в «приличные» места редко выбирался, воротило от них. – Уже начал подключать его к своим приборам. Поначалу думал все эти лампы убрать, а потом покумекал – мать моя женщина, так их же можно напрямую использовать для создания минус-поля! Там ведь без разницы, через какие источники в саркофаге возникнет пространственный вихрь. Почему его нельзя сделать с помощью света? Светом даже лучше, у него длина волны вполне подходящая, его там много, он мощный. В ближайшие дни вплотную возьмусь за работу.

– Ну и хорошо, – отвечал я. – Ты давай уж, оправдай возложенные на тебя надежды.

– Гарантировать, конечно, ничего не могу. Это не добыча угля, план не поставишь.

Мы вошли внутрь здания. Охранник вяло колыхнулся, потом узнал Костикова и ответил на его кивок едва заметным движением головы.

– А этот?.. – показал он на меня.

– Это со мной, – отозвался Никита.

– Записать надо.

– Записывай, – запросто так, снимая во мне напряжение, ответил Костиков. – Это аспирант, научную работу у меня пишет.

– А ректор в курсе, что он будет присутствовать? – открывал массивную тетрадь дотошный охранник.

– В курсе, в курсе! – убедительно вещал Никита. – Он сам и пригласил.

– Ничего мне не говорил.

– Ну правильно, скажет он тебе! Ты ж не заместитель ему.

– Как звать? – взглянул на меня пристально охранник.

– Канарейкин Валентин, – выдал я первое пришедшее в голову имя.

Вроде не запнулся. Охранник накарябал имя в тетради.

– Записываю: пришёл с Константиновым, – сообщил он весомо Никите. Мол, на тебе вся ответственность.

– Записывай, записывай! – махнул рукой Никита. – Слышал? – прикольнулся он, едва мы отошли от проходной. – Фамилию мою не помнит, а пишет чего-то. Клоун, блин.

Мы разделись в гардеробе и поднялись на третий этаж в достаточно просторную аудиторию. Точнее, пожалуй, в обыкновенный кабинет, потому что места для слушателей были здесь расположены не амфитеатром, как бывает – сужу по фильмам – в институтах, а на одном уровне с преподавательской позицией. Этот просторный кабинет был уже почти под завязку заполнен: бородатые, плешивые и очкастые мужики с благородной осанкой и мощными интеллектуальными морщинами, такие же высокомерные и несвежие дамы, а также кое-кто и помоложе, включая совсем уж зелёных юношей и девушек, видимо, избранных студентов, – все они сидели, ходили, негромко общались и явно пребывали в нетерпении, предвкушая встречу с необычным собеседником. Костиков кивнул некоторым, с парочкой поздоровался за руку. Мы уселись за самую дальнюю парту, она, на наше счастье, оказалась свободной, и принялись так же нетерпеливо ждать.

Ожидание длилось недолго. Буквально через пять минут в кабинет вошла небольшая делегация из четырёх человек. Двое из них, пожилая дама и достаточно молодой мужчина, на ходу отстали от группы, усаживаясь за свободные места где-то спереди, а двое остальных –

высокий, бородатый, симпатичный такой мужик с обильной сединой в волосах и в разноцветном свитере и шедший чуть поодаль очкастый плюгавенький карлик в костюме и с галстуком – прошагали за преподавательский стол. Бородач уселся – я так понял, именно он и был героем, ради которого все собрались здесь – а карлик, остановившись у стола, подождал, пока в кабинете установится тишина и произнёс вступительное слово.

– Добрый вечер, уважаемые коллеги, – начал он. Видимо, это был то ли ректор института, то ли декан факультета. Скорее всего, ректор – держался представительство. – Как вы наверняка знаете, вот уже неделю с лишним у нас в институте работает новый сотрудник. Может быть, вы встречали его в коридорах. Человек он в высшей степени необычный, я даже не знаю, стоит ли говорить, каким образом он у нас появился...

– Стоит, стоит, – закивал бородач.

– Стоит, значит... Ну, в общем, он прибыл к нам из параллельного Советского Союза.

– Точнее, удрал оттуда, – усмехнулся герой вечера.

– Да, вот прямо таким образом. Мы решили сегодня провести встречу с преподавательским составом физико-математического факультета. Аспиранты здесь, я вижу, студенты даже, хотя никто их не звал.

– Да пусть, что вы! – снова подал голос учёный беженец из СССР. – Я ни от кого не прячусь. Со всеми рад пообщаться.

– Ну всё же, Василий Павлович, случай не рядовой. Безопасность требуется особая, по телевизору видели наверное, что тут у нас делается.

– Да ничего мне не будет! – так же весело отмахнулся бородач. – Я им не нужен, с меня взять нечего.

– В общем, – поспешил закончить с представлением карлик, – прошу любить и жаловать: Василий Павлович Иващенко, доктор физико-математических наук, лауреат Ленинской, Ленинской ведь? – уточнил он у добродушно улыбавшегося советского перебежчика – да, Ленинской премии, человек, на мой взгляд, просто героический, с риском для жизни переместившийся из параллельного советского ГУЛАГа в нашу Россию. И вот сейчас мы имеем уникальную возможность поспрашивать его о жизни в Союзе. Хотя, я думаю, не все вопросы будут сегодня уместны.

– Все будут уместны, все, – таким же широким жестом, что и раньше, располагал к себе слушателей Иващенко. – Спасибо, Валерий Иванович, спасибо. Ну что, – окинул он взглядом публику, – я уж, наверное, вставать не буду, долгий разговор всё же предстоит... Я тогда вкратце о себе расскажу и о том, как принял это решение – бежать из Советского Союза в Россию.

Бородач вроде как задумался, собираясь с мыслями, кашлянул в кулак, и продолжил:

– Начнём с того, что я с детства являюсь ярым и непримиримым антикоммунистом. От коммунистического строя пострадала вся моя семья: оба деда, отец, брат отца. Мать после смерти отца в тюрьме влачила жалкое существование, работала уборщицей. В общем, коммунизм с самого рождения стал для меня абсолютно неприемлемой идеологией, философией смерти, учением в чём-то даже страшнее фашизма. Удивительное дело: мой двойник на этой стороне, то есть тот же Вася Иващенко, которому суждено было родиться и жить здесь, в свободной России, как я только-только узнал, погиб от рук прокоммунистических молодчиков ещё пятнадцать лет назад. Их здесь, я гляжу, хватает – бедные, обманутые молодые люди, да вразуми их Господь! Он не был учёным, он был обыкновенным инженером на заводе – и вот, отправился однажды на митинг против коммунистического реванша. Подробностей я не знаю, но, насколько известно, эти нелюди, эта красная плесень на теле человечества, это разнузданное хулиганье, вломились в толпу протестующих с цепями и кастетами, били всех направо и налево, вот и пробил мне, то есть тому Василию голову, отчего он на месте скончался. В общем, всё это очень печально... Тем не менее, благодаря природной злости и настырности,

я сумел поступить в институт, затем в аспирантуру, потом, устроившись в научно-исследовательский институт министерства обороны, стал заниматься различными проблемами и задачами, в основном, увы, связанными с разработкой оружия. Я признаю совершенно отчётливо: это несмыслимое пятно на моей биографии. Прощения мне нет, создавать оружие для коммунистов, которые потом истребили им полчеловечества – это величайший грех. На том свете, если он есть, мне за это воздастся сполна. Я был, однако, не самым худшим советским учёным, имею множество научных трудов, публикаций, ряд открытий. Премией даже Ленинской одарили. У коммунистов я числился на хорошем счету. Однако, с того самого возраста, когда меня посетило какое-то начальное, ещё примитивное понимание окружающей действительности и того зла, что пребывает в ней, а под злом я, разумеется, имею в виду коммунистическую идеологию, я постепенно становился диссидентом. Внутренним, так сказать, диссидентом, потому что там, в параллельной для вас реальности, как вы знаете, с недавних пор уже не существует свободного зарубежья, весь мир находится под коммунистической пятой и бежать из страны в страну не имеет смысла. Так вот, я уходил в себя, даже пытался вместе с равнодушными друзьями создать какое-то движение Сопротивления, чтобы объяснять людям о том, что же это за чума такая, коммунизм, чтобы противопоставить ему что-то, но, увы, друзья гибли один за другим, остававшиеся в живых думающие люди предпочитали превращаться в глупцов, потому что так легче жить, а оболваненные народные массы, как послушное быдло, всё жарче и трепетнее принимали античеловеческие коммунистические постулаты. Народу, по правде говоря, нравилась вся эта военщина, эти захваты беззащитных стран, развевающиеся красные флаги на правительственных зданиях зарубежных государств. У русских, надо признать, есть что-то такое патологически врождённое, какая-то природная склонность к покорению других народов и навязыванию им своего образа жизни. Так вот, с каждым годом жизнь моя становилась всё тоскливее и страшнее. Я безумно люблю свою Родину, но оставаться в ней больше не представлялось никакой возможности. Я не видел ни малейшего выхода и уже начал подумывать о самоубийстве, как о решении всех проблем, но вдруг, как благодатный гром среди чёрного коммунистического неба, прозвучало известие об открытии параллельного измерения, в котором коммунизм повержен, в котором существует свободная демократическая Россия, в котором люди строят будущее исходя из свободных представлений о личности и собственности, а не под кнутом надсмотрщиков. Вы не поверите, я плакал, узнав об этом! Я просто рыдал навзрыд, потому что это было настоящим чудом, божественным озарением – принести в наш унылый мир, в мой персональный ад такой мощный луч надежды. Разумеется, о свободном перемещении в Россию не могло быть и речи, коммунисты тут же превратили открытие нового свободного мира в инструмент для собственной идеологии, а та эмиграция, о которой они постоянно говорят, якобы существующая, я имею в виду официальную эмиграцию из СССР в Россию, так я в неё просто-напросто не верю! Я сейчас навожу здесь справки, чтобы встретиться хоть с кем-то из тех, кто будто бы эмигрировал из Союза, но пока мне не предоставили о них никаких сведений. Я подозреваю, что таких людей может вообще не существовать. Их просто-напросто расстреляли коммунисты. Выявили неблагонадёжных – и расстреляли, объявив о том, что отправили их в Россию. В общем, я понимал всё это с самого начала и о так называемой официальной эмиграции даже не задумывался. Я знал, что меня, советского учёного, да ещё разработчика оружия, просто поставят к стенке – хлоп-хлоп, и готово. И тогда я стал работать над созданием собственного канала для пересечения параллельных измерений. Ведь, рассуждал я, если это явление кто-то открыл, то почему же я, физик, не могу сделать то же самое? Дела, однако, продвигались с трудом, но вскоре мне улыбнулась удача: меня перевели работать в то самое подразделение министерства обороны, в тот самый институт, который занимался изучением вопросов перемещения в пространстве и времени. Да, представьте себе, коммунисты и о покорении времени мечтают. Причём, не исключено, что в самом скором будущем они его подчинят. Это станет воистину вселенской трагедией. Итак, я начал работать в этом под-

разделении, впрочем, занимаясь лишь второстепенными теоретическими вопросами. Непосредственно в тех боксах, где происходит скольжение в параллельность, я не бывал ни разу. Тем не менее, мне стала доступна чрезвычайно ценная информация, а, прежде всего, я узнал самый главный принцип, благодаря которому возможно путешествовать из мира в мир, а также методы, по которым этот принцип может быть осуществлён. То есть, попросту говоря, мне стало известно, как создать пространственную машину. И я, ежедневно рискуя быть разоблачённым и расстрелянным, в домашних условиях стал её строить.

Дальше следовал душераздирающий рассказ о том, как наш герой из кухонных кастрюль (ну, или чего-то такого) сотворил чудо-агрегат – а гадкие соседи-стукачи, разумеется, заподозрили неладное и принялись бомбардировать анонимками Комитет Государственной Безопасности, от чего приходилось при каждом звонке в дверь разбирать пространственную машину снова на кастрюли, а затем опять собирать – написал на стене своей квартиры нецензурное послание в адрес коммунистического строя, выкурил папиросу «Беломорканал» (других, якобы, там нет), смачно плюнул с балкона на всю советскую власть, залез в железный гроб (он так и сказал «железный гроб», что нас с Никитой чрезвычайно порадовало – значит, мысль наша двигалась в верном направлении) и...

– И вот то ли умер, то ли переместился в рай, – попытался пошутить Иващенко.

Шутка, надо сказать, не прошла. При слове «рай» аудитория как-то напряглась и поёжилась. Ну ещё бы, называть всю эту окружающую срань раем! На такое даже самые беспредельные либералы-западники не решались.

– Сразу скажу, – сообщил Иващенко, – что здесь меня встретили чрезвычайно тепло. Правда, господа из соответствующих органов – друзья, вы не поверите, какое блаженство произносить вслух слово «господа»! – попытались меня несколько ограничить в перемещениях. Я был категорически против. Не для того я сюда убежал, чтобы сидеть по подвалам да бункерам, пусть и оборудованным по последнему слову техники. Я стремился к людям, в самую гущу жизни, поэтому настойчиво стал проситься на преподавательскую работу по физико-математическому профилю. Сейчас, когда такую возможность мне предоставили, я просто счастлив.

Бывает же такое: с виду человек вполне тебе симпатичен. Увидев этого добродушного беженца, в первую минуту я подумал, что даже не отказался бы выпить с ним, присядь он за мой столик где-нибудь в «Прожекторе перестройки». В нём есть статья, порода какая-то особая. У него глаза блестят интересно. Но едва такой симпатичный человек начинает говорить, как понимаешь, что перед тобой подлый и гадкий враг. Что никакого согласия между ним и тобой не возможно во веки вечные. Что на таких глупых людях, наивно сопоставивших свой ограниченный индивидуальный опыт с мировой историей, сделавших из этого сопоставления примитивные выводы и восставших против самого главного, стержневого стремления человека – стремления к справедливости – и распространяет свою вонючую длань по эту и, оказывается, ещё и ту сторону бытия омерзительно-алчный капитализм. Я давал себе зарок просидеть всё время, сколько бы эта встреча ни длилась, молча, но котелок с первых же минут принялся закипать.

Первый же вопрос, который задали Иващенко, более всего интересовал и меня. Дедок-профессор, сидевший в первых рядах, сугубо практично поинтересовался:

– Разрешите узнать, милостивый государь, что же произошло с вашими разработками по теории и практике перемещения в параллельные вселенные. Это же очень интересно. Наверняка вы как-то фиксировали свои достижения и находки. Случайно, не собираетесь заниматься тем же у нас в институте?

– Вы знаете, – немного стушевался перебежчик, – все эти сведения, все эти научные данные являются здесь государственной тайной. Я дал подписку об их неразглашении. По большому счёту Российскому государству они не нужны, этими знаниями соответствующие учреждения и структуры обладают. Что касается меня лично, то да, было бы интересно продолжить

разработки в этом направлении, заняться кроме пространственных вопросов вопросами времени, к примеру, и, может быть, я когда-нибудь ко всему этому вернусь. Пока же, увы, я вынужден взяться за более локальные проблемы. Всё же вы должны понимать, что со стороны официальных властей России ко мне ещё существует некоторое недоверие. Представьте себе, они даже проверяли абсурдную версию, а не засланный ли я казачок, так что мне в какой-то степени ещё предстоит доказать свою лояльность к этой общественно-политической системе, хотя доказывать на самом деле нечего. Но вот так всё, так. Я отношусь ко всему с пониманием, я был готов к этому и, более того, я вполне мог бы продолжить мои разработки и здесь, но где-то в закрытом институте, что меня категорически не устраивало. Я хочу жить настоящей, полнокровной жизнью. Только ради этого я сюда и перемещался.

– В Союзе у вас кто-нибудь остался? – спросил женский голос. – Семья, дети?

Вопрос тоже оказался не совсем тем, что хотел бы услышать Иващенко. Несмотря на все его широкие жесты.

– Я был женат некоторое время тому назад. У нас родился сын, но через десять лет брака мы с женой, мягко говоря, охладели друг к другу и развелись. Она тоже учёный, ей предложили место в одном из научных центров в США, она зачем-то согласилась и вместе с ребёнком – сейчас ему уже семнадцать – уехала работать в разрушенную ядерной войной, умирающую Америку. К сожалению, я не смог её удержать. Последние несколько лет мы не общались.

– Им ничего не будет за то, что вы бежали из Союза? – поинтересовался тот же сердобольный голос.

– Кто его знает?! По крайней мере, надеюсь, что всё обойдётся. Хотя... Коммунисты – это законченные изверги, они на всё способны. Но я отгоняю от себя плохие мысли: мы с супругой слишком давно не общались, чтобы она могла быть им интересна с каких-то там аспектов государственной безопасности. Гораздо сильнее меня волнует здоровье моего сына. В Штатах, точнее, в том, что от них осталось, до сих пор жуткая радиоактивная обстановка. Дикие мутации. Об этом официально не говорят, но до меня доходили слухи и даже фотографии тех ужасающих существ, в которых превращаются там люди. Сложите воедино все фантастические произведения о последствиях ядерной войны – и вы получите объективную картину этого чудовищного коммунистического преступления.

«Подлая ложь!» – хотел крикнуть я в это мгновение. – «Где доказательства? Нелепые слухи да картинки, скроенные в Фотошопе – вот и вся твоя аргументация?!» – но невероятным усилием воли сдержался.

– А что вообще представляет собой этот коммунизм? – задавал предателю-перебежчику вопрос мужчина средних лет. – Я имею в виду, с экономической точки зрения. Как он выглядит на самом деле? В тех телевизионных репортажах из Союза, что мы видим, он предстаёт, честно говоря, весьма соблазнительно: отсутствие денег, всесторонняя социальная поддержка.

– О, все эти репортажи – сушая профанация! – воскликнул Иващенко. – Не верьте ни единому слову. Деньги-то коммунаки отменили, правда, не везде, зато людям приходится жить впроголодь. По сути, это та же самая карточная система. Больше определённого набора продуктов или каких-то других товаров в одни руки взять нельзя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.